

Свой среди чужих. Анализ конфликта между
профессором И. Е. Мандельштамом и газетой
Uusi Suometar в прессе 1908 года

Svoj sredi čužih. Analiz konflikta meždu professorom I. E.
Mandelštamom i gazetoj Uusi Suometar v presse 1908 goda
(Professori I. E Mandelštamin ja Uusi Suometar -lehden välinen
konflikti suomalaisessa lehdistössä v. 1908)

Liubov Shalygina
Pro gradu -tutkielma
Venäjän kieli ja kirjallisuus
Nykykielten laitos
Helsingin yliopisto
Marraskuu 2020

Tiedekunta/Osasto – Fakultet/Sektion – Faculty Humanistinen tiedekunta		
Tekijä – Författare – Author Liubov Shalygina		
Työn nimi – Arbetets titel – Title Svoj sredi čužih. Analiz konflikta meždu professorom I. E. Mandelštamom i gazetoj Uusi Suometar v presse 1908 goda		
Oppiaine – Läroämne – Subject Venäjän kieli ja kirjallisuus		
Työn laji – Arbetets art – Level Pro gradu- tutkielma	Aika – Datum – Month and year 11.2020	Sivumäärä– Sidoantal – Number of pages 62
Tiivistelmä – Referat – Abstract <p>Tämä tutkielma käsittelee vähälle huomiolle jääneen venäläisen kirjallisuuden professorin Iosif Mandelstamin ja Uusi Suometar-lehden välillä v. 1908 käytyä konfliktia, johon myöhemmin yhtyivät myös muut suomalaisen lehdistön isommat ja pienemmät toimijat. Kohu on syntynyt siitä, että Mandelstam oli arvostellut Hufvudstadsbladetissa jyrkin sanoin Uusi Suometar-lehden ja vanhasuomalaisen puolueen Venäjän-politiikkaa Suomen asemalle vahingolliseksi. Sen seurauksena vanhasuomalaisia tukeneet ylioppilaat järjestivät helmikuun alussa useita mielenosoituksia Mandelstamin luennoilla vaatien tämän eroa. Tutkielman aihe oli valittu sen takia, että Mandelstamin persoona ja uran käänteet Suomessa ovat jääneet vielä vähemmälle huomiolle kuin hänen tieteelliset saavutuksensa. Esimerkiksi ensimmäinen kattava kirjallisuustieteellinen analyysi Nikolai Gogolin kirjallisesta tyylistä on päässyt lähes unohtumaan jopa slavistien keskuudessa.</p> <p>Lehdistöskandaali, joka oli erityisen laaja ja joka levittäytyi nopeasti koko Suomeen, oli sen verran tärkeä, että sitä käsiteltiin rajan molemmiin puolin melkein puolen vuoden ajan. Siitäkin huolimatta suomalais-venäläisiin kulttuurisuhteisiin erikoistuva venäjänkielinen kirjallisuudentutkimus ei käsittele tätä tapausta lainkaan tai mainitsee sen ohimennen. Tämän tutkielman tarkoitus on täyttää tämä aukko.</p> <p>Tutkielmassa analysoidaan suomen-, ruotsin- ja venäjänkielisen lehdistön kirjoittamia materiaaleja Mandelstamista, niiden retoriikkaa, sananvalintoja ja ilmaisukeinoja peilaten senhetkistä poliittista tilannetta. Lisäksi tutkielmassa pohdittaneen syitä, miksi Mandelstamiin kohdistunut lehdistökritiikki oli poikkeuksellisen laajaa ja jyrkkää. Pääasiallisena aineistona toimii Kansalliskirjaston digitaalinen lehdistökokoelma.</p> <p>Analysoitavan aineiston koostamiseksi täytyi ensin käydä läpi yli 1300 julkaisua eri lehdissä ja poimia niistä kaikkein olennaisimmat otokset. Aiheesta ei ole aikaisempaa tutkimusta, minkä takia ensin piti rajata lähteet selkeästi ja valita lähestymistapa itsenäisesti.</p> <p>Tutkimuksen perusteella voidaan sanoa, että Mandelstamiin kohdistuneen kritiikin syyt piilevät muun muassa siinä, että hän kannatti ruotsinkielisen vähemmistön poliittisia näkemyksiä kuulumatta itse valtaväestöön, ja Mandelstamin ulkomaalaisessa ja varsinkin juutalaisessa taustassa. Sen lisäksi vastustajien mielestä Mandelstam ei tuntenut riittävästi Suomen sisäistä poliittista tilannetta. Lehdistömateriaalien analyysin perusteella voidaan todeta, että Mandelstamista on tullut eräänlaisen vihakampanjan uhri siitäkin huolimatta, että hän kannatti aktiivisesti Suomen itsenäistymistä ja irrottamista Venäjästä.</p>		
Avainsanat – Nyckelord – Keywords Mandelstam, Gogol, lehdistö, suomalais-venäläiset kulttuurisuhteet, 1900-luku, retoriikka, kohu		
Säilytyspaikka – Förvaringställe – Where deposited Humanistisen tiedekunnan kirjasto		
Muita tietoja – Övriga uppgifter – Additional information Suomenkielinen nimi: Professori I. E. Mandelštam ja Uusi Suometar -lehden välinen konflikti suomalaisessa lehdistössä v. 1908		

Оглавление

1.	Введение	3
2.	Хроника политических событий, предшествовавших конфликту 1908 года	7
2.1	Старофинны и политика соглашательства	8
2.2	Конституционалисты и младофинны	10
2.3	Финская пресса периода Всеобщей забастовки 1905 года – общие характеристики основных печатных изданий	12
2.4	Личность профессора И. Е. Мандельштама и краткое изложение газетного конфликта 1908 года	17
3.	Обзор и анализ критических публикаций в финляндской прессе	23
3.1	Печатные издания, принимавшие участие в конфликте	23
3.2	Главные и второстепенные издания, ставшие предметом анализа	24
3.3	Начало конфликта и освещение в печати	26
3.4	Конфликт достигает пика	35
3.5	Спад общественной реакции	37
4.	Анализ и выводы	38
4.1	Основные причины критики в адрес Мандельштама	38
4.2	О языке описания конфликта	40
4.3	Выводы	40
5.	Заключение	43
	Источники	47
	Исследовательская литература	53
	Ссылки	54

1. Введение

Тема нашей дипломной работы была окончательно сформулирована только через некоторое время после того, как мы начали анализировать литературные тексты, опубликованные И. Е. Мандельштамом в бытность его профессором русского языка и словесности в Императорском Александровском университете в Хельсинки. В первую очередь интерес вызывал его масштабный труд *О характере гоголевского стиля*, опубликованный в 1902 году. Изначально предполагалось, что данная дипломная работа станет литературоведческим анализом, тем более, что Мандельштам был одним из первых гоголеведов, чей труд, на наш взгляд, незаслуженно остался в тени последующих исследований. Эту точку зрения подтверждает и историк-литературовед Сергей Беляков в своей книге *Тень Мазепы. Украинская нация в эпоху Гоголя*, прямо заявляя о том, что имя Мандельштама известно лишь немногим профессиональным филологам. Беляков называет монографию Мандельштама «блестящей», а самого Мандельштама относит к предшественникам формалистов, в то же время констатируя, что ссылок на его работу практически не найти в трудах даже таких известных и признанных исследователей творчества Гоголя, как Игорь Золотусский, Юрий Манн и Юрий Барабаш. (Беляков 2016: 634.)

Эта недосказанность, в некоторой степени «утраченность» Мандельштама пробудила интерес к изучению не только текстов, но и личности самого профессора.

И. Мандельштам стал еще одним человеком в плеяде блестящих ученых-русистов, которые преподавали в Хельсинкском университете, и пошел по стопам своих предшественников Я. К. Грота и С. И. Барановского, с искренним интересом и энтузиазмом исполняя роль проводника между финской и российской культурами. Е. Г. Сойни в своей докторской диссертации *Русско-финские литературные связи начала XX века* определяет роль Мандельштама как посредника между Финляндией и Россией, «растолковывавшего современникам ценность иных литератур», и ставит его в один ряд с переводчиком Рафаэлем Линдквистом, который знакомил финскую аудиторию с русской поэзией и прозой, переводя их на шведский язык. (Сойни 1998: 16.)

Примечательно, что в дальнейшем Линдквист станет редактором юмористического журнала *Fyren*, принявшего сторону Мандельштама в конфликте, который стал темой данного исследования.

В ходе работы, однако, фокус нашего исследования сместился с научных текстов Мандельштама-ученого на тексты Мандельштама-публициста. Это произошло в том числе и потому, что выбранная нами тема, а именно - анализ газетного конфликта между профессором и газетой *Uusi Suometar* в прессе 1908 года, ранее досконально не изучалась, что создавало определенную нишу для нашей работы и потребность дальнейшего изучения.

Отдельные упоминания о конфликте встречаются в текстах российских историков литературы Финляндии, так, Е. Г. Сойни вскользь упоминает о нем в своей работе *Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века*. Однако по большей части тех немногих исследователей, которые упоминали имя И. Е. Мандельштама в своих работах, как, например, А. С. Смирнов в книге *Романтическая ирония в русской литературе первой половины XIX века и творчество Н. В. Гоголя* (Смирнов 2004: 125), интересовали прежде всего научные исследования Мандельштама, а не его личность, политические взгляды или аспекты его взаимодействия с коллегами и студентами в Хельсинки.

Данная работа, по сути, становится первой попыткой взглянуть на Мандельштама и его деятельность в Финляндии, не фокусируясь исключительно на его научных трудах. Целью данной работы является изучение и анализ публикаций в финляндской прессе, освещавших конфликт, который развернулся после того, как в 1908 году профессор Мандельштам выразил критику в отношении позиции политической партии т. н. старофиннов и их партийного органа, газеты *Uusi Suometar* по отношению к России.

Объектом нашего исследования стал непосредственно газетный конфликт, который начался с публикации профессора Мандельштама в шведоязычной газете *Hufvudstadsbladet*. В нем Мандельштам в жестких выражениях критиковал «приспособленческую» позицию старофинской партии по отношению к России. Сам Мандельштам по своим взглядам был близок к

политическим противникам старофиннов - конституционалистам и младофиннам, и эти взгляды нашли отражение в опубликованной им статье. Для более отчетливого понимания конфликта необходимо учитывать сложившуюся на тот момент политическую обстановку: февральский манифест 1905 года повлек за собой угрозу автономии Финляндии, и на фоне этой угрозы конституционалисты и младофинны были сторонниками сопротивления российскому влиянию, в то время как старофинны считались в этом вопросе конформистами.

Текст Мандельштама, содержащий критику старофиннов, был переведен на финский язык и растиражирован в большом количестве финляндских изданий, что вызвало не только бурную полемику о том, насколько правомерны были политические суждения Мандельштама, но и поток уничижительных отзывов лично в его адрес. Эта полемика и стала объектом нашего анализа.

Задачами данной работы являются, во-первых, анализ политической ситуации, сложившейся на тот момент в Финляндии, что необходимо для того, чтобы обозначить исторический контекст конфликта и облегчить его понимание. Также в задачи входит изучение и отбор источников, легших в основу данной работы, их разделение на главные и второстепенные, классификация печатных изданий, в основном определяющая их политическую принадлежность, анализ распространенности и масштабов публикаций, а также риторики, использованной в газетных статьях, выявление и анализ общих причин, по которым Мандельштам был подвергнут критике, а также проведение параллелей с современными методами языкового выражения, которые используют СМИ, с целью доказать, что в отношении конфликта между Мандельштамом и газетой *Uusi Suometar* уместно говорить об использовании языка ненависти и термина «скандал».

Актуальность выбранной темы подтверждается реалиями современного общества. Газетный конфликт, который мы выбрали для анализа, помимо своей политической составляющей интересен также использованием языковых средств выражения, которые в наши дни можно однозначно охарактеризовать как риторику ненависти. В то же время использование в современных СМИ,

интернете и публичной дискуссии языка вражды - тема для постоянного изучения и анализа. Термин «язык вражды» может показаться относительно новым, а само выражение «язык вражды», «язык ненависти» или «риторика ненависти» - это калька с английского *hate speech*. В то же время как явление риторика ненависти известна давно. Согласно дефиниции, язык ненависти - это все формы самовыражения, которые включают распространение, провоцирование, стимулирование или оправдание расовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других видов ненависти на основе нетерпимости, включая нетерпимость в виде агрессивного национализма или этноцентризма, дискриминации или враждебности в отношении меньшинств, мигрантов и лиц с эмигрантскими корнями (Денисова 2002).

Если следовать этому определению, то можно с уверенностью говорить о том, что большинство направленных против Мандельштама публикаций были написаны с использованием языка вражды: одной из наиболее распространенных причин критики в адрес профессора являлось его иностранное (еврейское) происхождение и его приверженность политическим взглядам шведоязычного меньшинства, которое его противниками рассматривалось как «угнетатели».

Структура нашей работы в соответствии с поставленными задачами состоит из трех глав. Первая глава исследования является вводной, она знакомит читателя с политической ситуацией, предшествовавшей конфликту 1908 года. В ней подробно раскрывается политический строй тогдашней Финляндии, в частности, речь идет о политических партиях старофиннов, младофиннов и конституционалистов. Именно их противостояние, а также симпатии Й. Мандельштама к двум последним партиям и создали предпосылки для газетного конфликта. Также во второй главе мы уделяем отдельное внимание финской прессе того времени и даем характеристики основным печатным изданиям, участвовавшим в конфликте. Эта глава также включает в себя описание личности профессора Мандельштама и его отношения к Финляндии, которое во многом определило его позиции по отношению к старофиннам или суометарьянцам, как их называли в русскоязычной прессе того времени. Завершается глава кратким изложением конфликта 1908 года.

Вторая глава посвящена непосредственно анализу критических публикаций в финляндской прессе. В ней мы перечисляем печатные издания, которые отобрали для дальнейшего изучения, описываем критерии, на основании которых был произведен отбор, подробно рассматриваем завязку, кульминацию и развязку конфликта.

Последняя глава посвящена анализу риторики и основных причин критики в адрес Мандельштам, а также выводам, сделанным на основании предыдущего материала

В заключении мы сосредоточились, помимо остального, на потенциальных вариантах дальнейшего исследования темы.

Помимо исследовательской литературы, список источников включает в себя проанализированные нами газетные материалы на финском, шведском и русском языках. Стоит отдельно заметить, что в основу нашей работы легли публикации преимущественно на финском языке, перевод которых был выполнен нами самостоятельно и цитаты в тексте приводятся на русском языке, несмотря на язык первоисточника.

2. Хроника политических событий, предшествовавших конфликту 1908 года

Для полного понимания конфликта между профессором Мандельштамом и изданием *Uusi Suometar*, необходимо также понимать исторический контекст, в котором разворачивались события 1908 года, а значит, следует начать с вводной. Данная глава нашей работы разъяснит суть конфликта, в основу которого легли масштабные социальные и политические изменения в финском обществе, происходившие в основном из-за российского влияния, и возникшие глубинные противоречия, разделившие надвое политическое поле Финляндии. Заключительная часть главы познакомит читателя более подробно с личностью самого профессора и отношением к нему со стороны финляндской и российской прессы того времени.

Для понимания развернувшегося в прессе противостояния стоит шире взглянуть на сложившуюся в годы пребывания профессора Мандельштама в

Финляндии политическую ситуацию. Спустя год после назначения Мандельштама на должность был оглашен т.н. февральский манифест, по сути, ставивший целью ликвидацию финской автономии. Указ, подписанный императором Николаем II в феврале 1899 года, устанавливал право издавать законы и назначать россиян на важные должности в Великом княжестве без согласования с представительными органами власти Финляндии. Манифест вкупе с дальнейшими нововведениями, такими, как манифест о языке и закон о военном призыве, предполагали введение цензуры, упразднение национальной валюты – финской марки, обязательную военную службу в русской армии для финнов, а также делали русский язык главным языком управления и делопроизводства. Начавшийся после этого период в финской истории известен как первый период угнетения, он же – период русификации. Очевидно, что подобное насаждение сверху новых порядков не могло не вызвать отторжения, вылившегося в итоге в политический протест, который, однако, принимал различные формы.

Первый период угнетения разделил политическое поле Финляндии надвое, пишет Тимо Вихавайнен в эссе *От февральского манифеста к Освободительной войне. Гнев, сопротивление – и взаимопонимание*.

«С точки зрения конституционалистов, права Финляндии были святы, и действующие законы нельзя было нарушать. Последователи соглашательского направления, напротив, были склонны к компромиссам, из-за чего противоположная сторона клеймила их как представителей “восточного рабского духа”. Соглашательское направление представляла, в основном, старофинская партия, в то время как шведоязычное население в массе своей придерживалось позиции пассивного сопротивления. В результате в этом вопросе стали проявляться конфликт между финско- и шведскоговорящими, который в 1900-х гг. стал приобретать отчетливый национальный характер.» (Вихавайнен 2007: 155.)

На конституционалистах, старофиннах и отколовшихся от них под влиянием политических противоречий младофиннах мы остановимся подробнее, поскольку их политическая деятельность и противостояние лежат в основе конфликта, ставшего темой данной работы.

2.1 Старофинны и политика соглашательства

Старофинны или суометарьянцы, как называли их зачастую в российской прессе того времени, являлись одной из главных политических партий Финляндии во время автономии. Идеология партии, корнями уходящей в движение фенноманов, включала в себя консервативность, ярко выраженный национализм и продвижение языкового вопроса: по мнению партии, финский язык должен был быть возведен в статус государственного наравне со шведским. Собственно, изначально языковой вопрос и составлял основную повестку партии, противопоставляющей себя шведоговорящей элите, однако первый период угнетения привел к тому, что вопрос продвижения финского языка отошел на второй план, а на первый вышло выстраивание отношений с Россией в условиях усиливающейся русификации. (Tommila 1960: 103.)

Лидер партии Юрьё Сакари Юрьё-Коскинен еще до окончательного накаления ситуации поддерживал хорошие деловые отношения с российским министром-статс-секретарем Вольдемаром фон Деном, который опирался в сенате на лояльных фенноманов и питал негативные чувства к либералам-конституционалистам, которые, по его мнению, усугубляли конфликт между Россией и Финляндией. Старофинны во главе с Юрьё-Коскиненем стремились придерживаться так называемого «петербургского пути», то есть политики соглашательства, которую тогдашний сенат, где в большинстве были фенноманы, старался соблюдать. (Вихавайнен 2007: 43.)

Задачей Юрьё-Коскинена было приводить деятельность финского сената в согласие с избранной фон Деном линией, смягчать и сдерживать протесты общественного мнения, которые славянофилы в России с охотой использовали бы в качестве доказательства финского сепаратизма, а также поднять старофинскую партию на главенствующие позиции — это доказало бы императору, что шведы — лишь незначительное меньшинство, высший класс, не имеющий реального влияния на народные массы, в то время, как лояльная партия суометарьянцев является истинным представителем финского народа. (Tommila 1960: 97-98.)

Как следствие избранной линии, печатный орган старофиннов, газета *Uusi Suometar*, которая сыграла решающую роль в конфликте, ставшем темой

данной работы, прекратила участвовать в непрекращающейся полемике между другими финскими изданиями, отстаивавшими принципы автономии, и российской славянофильской прессой, и даже пыталась призвать к молчанию прочие финские газеты. Это делалось потому, что, по мнению *Uusi Suometar*, целью политических противников было с помощью таких публикаций вызвать раздражение в обществе, разжечь дискуссию и втянуть в нее как можно больше участников, от чего следовало воздерживаться.

Политика соглашательства какое-то время приносила свои результаты. Тем не менее, в годы угнетения ряды старофинской партии поредели за счет того, что многие из ее членов, не принявшие в итоге конформизм и поиск компромиссов в отношениях с российской властью, перешли на сторону конституционалистов. Несмотря на то, что «петербургский путь» какое-то время приносил свои плоды, и старофинны занимали ведущие должности во власти, итогом непрекращающихся протестов в обществе стал 1905 год и Всеобщая забастовка.

Ослабленная внутренними политическими конфликтами Россия пошла на уступки Финляндии и отменила направленные на русификацию законы. Это посчитала своим успехом коалиция, состоявшая из конституционалистов и младофиннов, сформировавшая в 1905 году сенат под руководством либерала Мехелина. Первый период угнетения закончился, вместе с ним закончился и определенный период политической жизни Финляндии: в качестве формы государственного управления вместо сословных собраний-сеймов был введен однопалатный парламент, первые выборы в который прошли в 1907 году.

На первых парламентских выборах старофинны получили 59 мест, что означало победу над конституционалистами: тем досталось 51 одно место (26 получили младофинны и 25 – шведская партия), однако однозначная победа принадлежала социал-демократам, которые получили 80 мандатов. В финском обществе, таким образом, исключительно быстро произошел политический перелом. Огромный слой малоимущих, состоявший в основном из безземельных крестьян, батраков и рабочих стал требовать более справедливого перераспределения национальных доходов, пишет Тимо Вихавайнен в эссе *От февральского манифеста к освободительной войне*. Именно это растущее недовольство и подняло в первый финский парламент

социал-демократов, которые представляли интересы этих обездоленных людей. Политическое значение народных масс усилилось, это произошло как в Финляндии, которая первой в мире ввела избирательное право для всех граждан, и это же произошло и в России, где основана формируемая голосованием дума, ограничивающая права императора. Народные массы стали субъектом политики по обе стороны границы, в то же время, несмотря на временное прекращение русификации, конфликт между Россией и Финляндией никуда не исчез.

В условиях сохранения напряженности в отношениях между двумя странами, неудивительно, что, даже утратив свое превосходство в политической жизни страны, являвшееся результатом политики приспособления, старофинны не отказались от тактики осторожного конформизма по отношению к российской власти. Если обратиться к политической программе старофиннов от 1906 года, то можно прочесть довольно сдержанные формулировки касательно государственно-правового статуса Финляндии:

Финская партия считает необходимым, чтобы на следующем созыве сейма к одобрению парламенту был представлен законопроект, который четко определил бы позицию Финляндии в Российской империи, а также обезопасил бы внутреннюю независимость, которая нашей стране принадлежит... (Suomalaisen puolueen ohjelma 1906).

Занесенные в политическую программу скромные формулировки на наш взгляд трудно назвать радикальными требованиями. Этот осторожный конформизм по-прежнему выражался и на страницах печатного органа партии *Uusi Suometar*, которая в особенности на фоне шведоязычных газет выделялась покладистостью в освещении острых вопросов российско-финляндской политики.

2.2 Конституционалисты и младофинны

Конституционализм появился на свет в годы угнетения как протестная реакция на меры по русификации Финляндии. Идеологию конституционалистов можно охарактеризовать следующим образом.

Боргоский сейм от 1809 года утвердил в Финляндии автономию и законы, то есть конституцию, как назвал ее в Порвоо Александр I. Эту конституцию российские императоры в течение 90 лет вновь утверждали, восходя на трон. Опираясь на эту конституцию, финский законодательный орган последовательно развивал законодательство Великого княжества в различных сферах.

Февральский манифест от 1899 года в одночасье утвердил право российского императора издавать законы, обязательные к исполнению на территории Великого княжества, без предварительного согласования с финляндским парламентом и правительством – сенатом. Февральский манифест ограничивал конституционную систему Финляндии и фактически ставил своей целью ликвидацию финской автономии. При утверждении манифеста Николай II не принял во внимание мнение финляндского сената, сословий или же европейской интеллигенции в целом, несмотря на протестные адреса и петиции, направленные императору в Россию. Манифест, втайне подготовленный в высших кругах российской власти, являлся ничем иным, как решением уничтожить право на самоопределение в Финляндии и интегрировать ее окончательно и бесповоротно в состав империи, чего уже давно требовали консервативные голоса российской политики и подведомственные им печатные издания. (Tommila 1960: 75.)

Главным внедрителем новых порядков и врагом конституционалистов считался генерал-губернатор Николай Бобриков.

В то же время стоит заметить, что историк Осмо Юссила считает основную идею конституционалистов о том, что Финляндия якобы являлась государством, состоявшим с Россией в унии и поэтому имевшим право на самоопределение, одним из «мифов Финляндской истории». Цитируя профессора государственного права Финляндии Ю.Я. Нордстрема, в 1840-х годах читавшего курс лекций по государственности страны, Юссила разъясняет, на чем базировались подобные взгляды: по мнению многих историков того времени, Финляндия изначально была присоединена к России как провинция, однако после сейма в Порвоо она превратилась в государство, состоящее в реальной унии с Россией. Тем не менее, пишет Юссила, теории

Нордстрема являлись попытками подвести фантазии под юридические формы. (Юссила 2013: 93.)

Конституционализма придерживались как представители шведской партии, так и младофинны, объединившиеся, несмотря на некоторые разногласия, в частности, касавшиеся языкового вопроса. Одним из различий было отношение младофиннов к финскому языку: они выступали за ведущую позицию финского, однако без угнетения положения шведоязычных.

Законом Финляндии было никак не предусмотрена ситуация, в которой император отказался бы придерживаться введенной Боргоским сеймом конституции. Было ясно, что силовыми методами противиться введению манифеста и новых порядков невозможно, поскольку за ними стояло военное и политическое превосходство империи.

Конституционалисты, сгруппировавшиеся вокруг уже упомянутого нами ранее Лео Мехелина, выбрали в качестве защитной стратегии строго придерживаться старых финских законов и противиться внедрению новых, призванных способствовать русификации Финляндии. В качестве протестных мер была выбрана позиция пассивного сопротивления, включавшая в себя, например, агитацию среди народонаселения не участвовать в военном призыве, организованном российской стороной.

В результате многие финские чиновники, примкнувшие к конституционалистам, в годы угнетения были отстранены от должностей или вынуждены были уйти в отставку, после отказов исполнять указы в рамках февральского манифеста, которые они считали незаконными. На место конституционалистов были назначены должностные лица из числа старофиннов, которые продвигали политику, основанную на компромиссах и лояльности по отношению к российской власти.

Эту расстановку политических сил удалось поменять только в результате масштабных протестов и стачек 1905 года, когда после революции, произошедшей в России, император, видя непрекращающееся сопротивление Финляндии, приостановил внедрение мер по русификации. Конституционалисты сочли это своей победой. В 1905 году финский сенат, образованный исключительно из конституционалистов, вновь возглавил

Мехелин, который оставался на своем посту вплоть до 1908 года, когда на парламентских выборах сокрушающую победу над старыми партиями одержали социал-демократы.

2.3 Финская пресса периода Всеобщей забастовки 1905 года – общие характеристики основных печатных изданий

О том, какие черты являлись отличительными для финских печатных изданий этого периода, их политической приверженности и о том, как это повлияло на конфликт, развернувшийся в 1908 году вокруг профессора Мандельштама, пойдет речь в заключительной части этой главы.

Во второй половине XIX – первой половине XX столетия начался процесс образования общественного мнения, в котором одну из главных ролей играла именно пресса. В условиях относительной свободы от цензуры журналисты начали поднимать важнейшие политические вопросы и выносить их на суд граждан. В то же время в 1905-1906 гг. в связи с пронизывающими все общество политическими процессами выросла потребность в получении и распространении информации. Политические партии стремились донести свой голос до самых удаленных уголков страны, в связи с чем постоянно возникали новые печатные издания – самый сильный рост числа периодики пришелся как раз на 1905-1906 гг. (Tommila 1987: 16.)

Если говорить о расстановке сил с точки зрения языка, то еще в конце XIX столетия главенствующая позиция шведоязычного образованного меньшинства не подвергалась сомнению. Необходимо понимать, что шведоязычные всеми силами стремились эти позиции сохранить, и одной из публичных арен этой борьбы за власть над умами была как раз пресса. С одной стороны, она выступала инструментом выражения фенноманских настроений с их идеей выдвижения финского языка на главенствующие позиции, с другой – выражала настроения, царившие в среде шведоязычных, боявшихся утраты своего статуса и защищавших его. Стоит, однако, помнить, что хотя языковой вопрос и был в начале столетия актуальным, все же шведоязычное население и пресса занимались отстаиванием таких интересов и привилегий, которые не укладывались в узкие рамки партийных программ – то есть шведоязычная пресса не обязательно представляла интересы исключительно шведоязычной

партии. Количество журналов и газет на шведском языке в период с 1906 по 1917 гг. составляло пятую часть, что превосходило численность шведоязычного населения страны, которая на тот момент равнялась 12%. (Там же: 20.)

Профессор Мандельштам, пусть и не состоявший в рядах шведской партии, во взглядах на политику и будущее Финляндии, очевидно, являлся сторонником шведоязычных, и языковая принадлежность в его случае во многом определяла также его мнения. В целом шведский язык и сохранение его суверенной позиции являлись настолько мощным объединяющим фактором в Финляндии, что вокруг него возможно было сплотить уникальную общественную группу. После Всеобщей забастовки внутреннюю политику Финляндии раздирали противоречия, а политическое поле разделилось на несколько направлений, каждое из которых считало остальных своими противниками. Финноязычное население, таким образом, по политическим причинам было расколото на 4-5 основных групп, в то время как шведоязычное меньшинство оставалось более-менее сплоченным, и в этом ему помогала как раз шведоязычная пресса.

Несмотря на то, что определенные противоречия возникали и в шведоязычных изданиях, они не призывали к разобщенности, что происходило в финноязычной прессе. Издания на шведском языке использовали свои инструменты, чтобы обнажить и продемонстрировать раскол в обществе, но они также стремились сгладить острые углы и выстраивать мосты между различными группами в обществе. В особенности *Hufvudstadsbladet* активно придерживался именно такой объединяющей позиции и считал своей задачей блюсти права и привилегии шведоязычной части общества. В то же время газета подчеркивала патриотизм и преданность шведской партии и шведоязычной прессы единому отечеству, а также указывала на важность сотрудничества, выходящего за границы политических партий. (Tommila 1987: 86-87.) Неудивительно, что Мандельштам сотрудничал именно с *Hufvudstadsbladet*, которая исповедовала те же принципы налаживания мостов и культурного обмена, что и сам профессор.

Hufvudstadsbladet заявлял, что его целью является продвижение языковых и культурных привилегий шведоязычных, привитие им любви к родному языку и месту жительства. В то же время газета подчеркивала, что она ни в малейшей мере не ставит под сомнения требования финноязычного населения, а наоборот, поддерживает все стремления, направленные на укрепление отечества. Целью издания также стояло создание актуального и постоянно обновляющегося содержания, а поскольку Финляндия по-прежнему оставалась тесно связанной с Россией, наблюдать за событиями в метрополии было необходимо крайне тщательно. (Там же: 87.)

После того, как мы представили печатное издание, публикация в котором стала первопричиной конфликта, освещаемого нами в данной работе, стоит подробнее остановиться на втором участнике полемики, а именно, уже неоднократно упомянутой нам газете *Uusi Suometar*, главном печатном органе старофинской партии.

К моменту Всеобщей забастовки старофинская партия вела свою политическую деятельность уже несколько десятилетий, и партийные издания выходили, помимо Хельсинки, во многих крупнейших городах страны. После забастовки партийное руководство приняло решение усилить свое присутствие посредством партийной прессы также в отдаленных регионах, и новые газеты и журналы, поддерживающие избранную «суометарьянцами» линию, начали появляться и в менее крупных населенных пунктах. Охват аудитории и позиции старофинской прессы позволяли на равных соревноваться с соперниками, в частности, с младофинскими изданиями. Зачастую программа только что основанного суометарьянского печатного органа прямо заявляла о младофиннах, говоря о своих политических противниках.

Uusi Suometar в своих публикациях довольно точно придерживалась инструкций, полученных от партийного руководства, вплоть до того, что самые важные статьи, освещавшие острые политические вопросы, предварительно одобрял совет партийных избирателей. Позиции *Uusi Suometar* в качестве главного рупора партийных идей никаких сомнений не вызывала – сторонники старофиннов в целом были довольны работой главного партийного органа печати. Газету даже подчас обвиняли в том, что она не стремилась более смело направлять общественное мнение в необходимое русло, когда речь шла о

важных национальных вопросах. В политической программе издания особенно подчеркивалась ее национальная традиция. После Всеобщей забастовки в 1905 года важнейшими идеологическими столпами издания были провозглашены народный суверенитет и «финскость» (*suomalaisuus*). (Tommila 1987: 58.)

Если взглянуть на публикацию профессора Мандельштама сквозь призму подобной идеологии, становится понятно, почему ответом на текст профессора-русиста, иностранца по происхождению, полетели упреки и прямые оскорбления (впрочем, неосторожных выражений не чурался и сам Мандельштам). В глазах представителей издания с подчеркнуто «профинской» позицией чужеземец, еврей по происхождению и русский по подданству, к тому же, еще и пишущий на шведском языке, не имел никакого права критиковать партию, которая радела за интересы финского народа. Критика партии, по мнению *Uusi Suometar*, являлась критикой поддерживающих ее финноязычных жителей страны, то есть национального большинства, и делала Мандельштама врагом в глазах этого населения, хотя его позиции являлись более чем либеральными и «профинскими», о чем он сам неоднократно заявлял, к примеру, в письме к Веселовскому, которое цитирует Е. Сойни.

«Финны преступны только в том, что любят родину (непритворно) и уважают законы», – писал Мандельштам в 1907 г. (Сойни 1998: 34).

Воззрения Мандельштама не укрылись от глаз еще одного участника конфликта в прессе, а именно – единственного на тот момент выходившего в Великом княжестве издания на русском языке, «Финляндской газеты». Она единственная сохранила свои позиции после Всеобщей забастовки 1905 года и продолжила вплоть до 1913 года выходить четырежды в неделю. Из печатных изданий на русском языке, выходивших вплоть до 1917 года, *Финляндская газета* была старейшей и продержалась дольше всех. Она была основана в 1900-м году генерал-губернатором Бобриковым и являлась официальным рупором российского правительства на территории Финляндии. Ее расцвет пришелся именно на времена правления Бобрикова, и она выполняла сугубо пропагандистские функции, освещая в положительном тоне указы и нововведения, исходившие от российской стороны, и подавая в нужном ключе внутренние финляндские новости. Примечательно, что когда в прессе начали

муссировать связанный с Мандельштамом конфликт, на первых порах *Финляндская газета* практически игнорировала эту тематику, ограничиваясь небольшими новостными сводками, и только когда студенческие волнения переросли в требования отстранения Мандельштама и массовые акции протеста в Университете, издание посвятило профессору-вольнодумцу целых шесть газетных полос, где критиковало его за сочувствие к российским социалистам-радикалам и даже обвиняло его в укрывательстве политических беженцев из России. (*Финляндская газета* 27.02.1908.) На момент этой публикации полемика в прессе продолжалась уже более месяца.

Отдельное внимание стоит уделить также юмористическим журналам, а именно – изданиям *Tuulispää* и *Fyren*, на которых стоит остановиться поподробнее, поскольку они представляли разные политические лагеря и со своей стороны подлили масла в разгоревшийся конфликт, опубликовав целую серию карикатур, стихотворений, памфлетов и других материалов, как против, так в поддержку Мандельштама.

Юмористический журнал *Tuulispää* был основан в 1903 году как продолжатель дела, начатого журналом Matti Meikäläinen, и политика журнала поддерживала старофинские настроения. (Tommila 1991: 317). Главной мишенью *Tuulispää* были шведоязычные: журналисты издания заостряли свое внимание на том, кого назначали на высокие государственные должности, а также избирали в парламентарии и сенаторы – разумеется, акцентируя внимание на том, что эти престижные позиции занимают в первую очередь представители шведоязычного меньшинства. (Там же: 322.)

Fyren, в свою очередь, был основан в 1898 году и его основными темами были культура и политика. В этом журнал стремился походить на британский сатирический журнал *Punch*. В то же время *Fyren* был призван декларировать политические взгляды шведоязычных конституционалистов. (Там же: 310.) Таким образом, *Tuulispää* и *Fyren* являлись противниками в политическом смысле, и это не могло не повлиять на их подачу конфликта, в эпицентре которого оказался Мандельштам.

Примечательно, что в начале XX века оба журнала, несмотря на их политическое противостояние, издавали в одном и том же здании.

Период с Всеобщей забастовки и до обретения Финляндией независимости характеризуется высокой политизированностью печатных изданий. Во время забастовки все финское общество стремились активно подключить к политической деятельности, и для этого пресса в том числе служила инструментом, создавая общественное мнение. Помимо уже упомянутых нами печатных изданий, представляющих три различных политических идеологии, в стране также издавалась пресса, отражающая точку зрения новых сил на политической арене Финляндии – социал-демократов и сторонников Аграрного союза, но их участие в газетной полемике, ставшей темой данной работы, незначительно, и поэтому подробно останавливаться на них в этой главе мы не станем.

В следующей же главе будут более подробно изложены и проанализированы публикации, посвященные профессору Мандельштаму и его критике, а также проведен их сравнительный анализ.

2.4 Личность профессора И. Е. Мандельштама и краткое изложение газетного конфликта 1908 года

В 1897 году императорским указом в Александровском Университете были введены три новых профессуры, две ординарные и одна экстраординарная, то есть дополнительная – ею стала должность профессора славянской филологии.

С 1828 по 1862 год в Университете была должность экстраординарного профессора русской словесности, а с 1841 года – также дополнительная профессура русской словесности и культуры. Если первая должность предполагала исключительно преподавание, то вторую, по крайней мере, в теории, должен был занимать человек, целью которого являлось бы налаживание культурных мостов между Россией и Финляндией в более широком смысле слова. (Klinge 1989: 455.) После Якова Грота, который, занимая эту должность, познакомил российские интеллектуальные круги с Рунебергом и в особенности с Лённротом и его *Калевалой*, было непросто найти человека, который сумел бы с таким же искренним интересом и энтузиазмом исполнять обязанности проводника культуры между финнами и русскими. Так, по утверждению Матти Клинге, последователь Грота С. Барановский не сумел подняться на уровень своего предшественника. (Там же:

455.) Этому смелому заявлению, однако, противоречит Тимо Вихавайнен в опубликованном в журнале *LiteraruS* эссе, посвященном Барановскому и его деятельности на научном поприще в Финляндии. Как пишет Вихавайнен, Барановский, 20 лет преподававший в Хельсинки русскую словесность, был разносторонне одаренным лингвистом и полиглотом, владевшим помимо шведского, также финским и рядом других иностранных языков. По словам Вихавайнена, тот «активно участвовал в общественной жизни Финляндии, был известен как либерал, который ценил местные общественные институты и защищал их от произвола центральных властей». (*Literarus* 1/2007.)

31 августа 1897 году профессором славистики был назначен бывший ректор Екатерининского института и доцент Петербургского университета Иосиф Емельянович Мандельштам (*Carpelan* 1925: 678).

Как и Барановский, Мандельштам являлся либералом по своим политическим взглядам. Говоря о либерализме, в данном контексте мы имеем в виду идеологию, в основе которой лежит идея, что для разрешения внутривластных проблем и преодоления экономического отставания от Запада России необходимо было перенимать опыт западных стран и проводить либеральные реформы. Либерализм как идеологическая доктрина начал формироваться со времен Петра I, благодаря которому Россия начала активно использовать достижения Запада. Впоследствии идеи либерализма поддерживали т.н. западники, которым противостояли славянофилы. Если первые считали, что путь Западной Европы предлагает инструменты для реализации идей законности, справедливости и прав личности, то славянофилы, в свою очередь, полагали, что у русского народа свой особый путь и особые ценности. (Леонтович 1995: 17.) Говоря о принадлежности Мандельштама к либералам, мы опираемся на тот факт, что профессор состоял в кадетской партии (она же Конституционно-демократическая партия), сформировавшейся на основе деятельности земского движения (*Klinge* 1989: 455). Земское либеральное движение, в свою очередь, было одним из оппозиционных общественных движений в России во второй половине XIX – начале XX вв. Либеральность взглядов Мандельштама выражалась в том числе как неприятие попыток со стороны России ограничить автономию Финляндии, о чем пойдет речь далее.

Как и Я. Грот, пятьюдесятью годами ранее закрепивший свое место в интеллектуальных кругах финской столицы в том числе благодаря безупречному владению шведским языком, Мандельштам был шведоговорящим и, очевидно, довольно быстро прижился в новой стране. Как пишет в книге *Русско-финские литературные связи XX столетия* Е. Г. Сойни, цитируя переписку И. Мандельштама с академиком А. Н. Веселовским, хранящуюся в архиве российской Государственной Публичной Библиотеки, сразу после переезда в Финляндию Мандельштам делится положительными впечатлениями от Гельсингфорса, рассказывая о том, что жизнь в финской столице ему по душе, а на лекции в университете приходит много слушателей. (Сойни 1998: 27.)

В первые годы после назначения профессор Мандельштам активно занимался наукой и издал, в числе прочих, масштабный труд *О характере гоголевского стиля*, который в 1902 году был опубликован типографией газеты *Hufvudstadsbladet*. Исследование Мандельштама, ставшее одним из первых трудов по гоголеведению, интересно в том числе и тем, что впервые связало личность Гоголя с особенностями его стилистики, в частности, проанализировав многочисленные украинизмы, которыми насыщены гоголевские тексты.

Помимо преподавательской и исследовательской деятельности, Мандельштам выступал активным посредником между Финляндией и Россией в литературной и культурной сферах. Так, в 1902 году он в качестве депутата от Гельсингфорского университета едет в Москву с приветственным адресом, а спустя два года, в 1904 обращается к российской литературной и культурной элите с просьбой принять участие в поздравлениях по случаю юбилея Й. Л. Рунеберга. Мандельштам обратился к российским университетам, литераторам, литературным редакциям и прочим представителям интеллектуальных кругов с просьбой отправить в университет поздравительные телеграммы в честь столетия со дня рождения финского классика. Мандельштам в своем письме к академику Веселовскому в прочувствованных выражениях подчеркивал значение поэзии Рунеберга для

развития Финляндии и важность этого юбилея с исторической точки зрения. (Там же: 28-29.)

Российская Академия наук благосклонно отнеслась к просьбе Мандельштама, и в Гельсингфорс полетели приветственные письма от русских литераторов и ученых. Поздравления перепечатала столичная пресса, в числе которой были шведоязычная газета *Hufvudstadsbladet* и финноязычная *Uusi Suometar*, на страницах которых позже развернется полемика, ставшая основной темой данной работы.

Для понимания развернувшегося спустя четыре года в прессе конфликта стоит шире взглянуть на сложившуюся в годы пребывания профессора Мандельштама в Финляндии политическую ситуацию. Спустя год после назначения Мандельштама на должность был оглашен т.н. февральский манифест, по сути, ставивший целью ликвидацию финской автономии.

Мандельштам был известен своими либеральными взглядами, которые выражались в том числе симпатиями в адрес Запада, финской национальной идеи и партий конституционалистов и младофиннов, идеология которых была подробно изложена в первой части данной главы. Как до начала своей преподавательской деятельности в Хельсинки, так и непосредственно после вступления на должность Мандельштам сталкивался с потоком критики, которую обрушивала на него за прозападные взгляды российская пресса. В частности, газета *Новое время* в 1898-1899 гг. опубликовала ряд заметок, написанных анонимным корреспондентом из финской столицы, в которых осуждала поведение Мандельштама и его манеру преподавания. Так, в заметке «Кафедра русской словесности» (НВ N7918) газета упрекает профессора в том, что вступительную лекцию по своему предмету тот прочел на немецком языке. Подверглась критике и его торжественная речь в честь вступления на должность, посвященная главным направлениям в русской литературе XIX столетия – опять же, произнесенная на немецком. По мнению издания, подобное поведение «профессора государственного языка в пределах Российской Империи», очевидно, являлось совершенно неподобающим.

Мандельштам не оставил без внимания эти выпады в свой адрес и ответил письмом, в котором обосновал свой выбор языка уважением в адрес студентов-финляндцев и незнанием многих из них русского.

Что примечательно, если задаться вопросом о том, когда Мандельштам овладел шведским языком, то публикация *Нового времени* отчасти дает ответ на этот вопрос – парируя заявление корреспондента НВ о том, что Мандельштам якобы во время лекции приносил студентам извинения за «незнание местных языков», профессор пишет следующее: «Это неправда. Я высказал сожаление, что, призванный руководить молодежью в науке, я не знаю языка народа, к которому молодежь эта принадлежит, но что не покидаю надежды усвоить себе этот язык». (НВ N7927.)

Из ответа Мандельштама можно сделать вывод, что, говоря о незнании, он подразумевает финский, а не шведский язык, поскольку речь идет о «языке» в единственном числе, а не во множественном, как у корреспондента НВ.

Если вернуться к политической ситуации, то кризис в обществе, постепенно назревавший со времен оглашения февральского манифеста, отражался как на политической жизни Финляндии, так и на прессе, которая в целом на тот момент имела возможность довольно свободно обсуждать даже деликатные политические темы. Тем не менее, беспрепятственно критиковать проводимую российскими властями политическую линию журналисты не могли, поэтому прессе приходилось разрабатывать собственные методы подачи информации, которые, с одной стороны, призваны были выразить мнение издания о событиях в обществе, с другой – служить источником знаний для своей аудитории. (Sinkko 1976: 189.)

Для постороннего глаза политические позиции финляндской прессы выглядели, на первый взгляд, достаточно гомогенными: участие журналистов в защите автономии страны являлось само собой разумеющимся. Тем не менее, проводимая различными изданиями политика в отношении к России различалась. Необходимо учитывать, что практически все печатные издания на тот момент были в той или иной степени политизированными, а некоторые, в особенности крупнейшие столичные издания, являлись печатными органами политических партий – если мы говорим о шведоязычных столичных газетах *Hufvudstadsbladet* и *Nya Pressen*, то они отражали точку зрения конституционалистов, в то время как *Helsingin Sanomat* была политическим рупором младофиннов, а *Uusi Suometar* отражала позиции старофиннов или суометарьянцев. Если первые три упомянутых газеты считали автономию

Великого княжества неделимым целым, одностороннее вмешательство и изменение которой со стороны России являлось, по их мнению, недопустимым, то позиции последнего издания по отношению к русским были более лояльными и осторожными. Старофинны, чьи взгляды озвучивала *Uusi Suometar*, были более сдержанными в своих попытках отстаивать автономию, газета предпочитала писать аккуратно и сдержанно о вещах, которые не вызывали бы в российской стороне дополнительного раздражения. Также руководители националистического крыла старофиннов пытались с помощью полемики *Uusi Suometar* сдерживать тон публикаций в других изданиях. В это же время политика шведов-конституционалистов, проводимая в *Hufvudstadsbladet*, была более непреклонной. (Там же: 189-190.)

Как следует из вышесказанного, для понимания нюансов разгоревшегося в 1908 году конфликта между профессором Мандельштамом и суометарьянскими печатными изданиями необходимо помнить, что газеты *Hufvudstadsbladet* и *Uusi Suometar* представляли противоположные точки зрения на развитие отношений между Финляндией и Россией.

Профессор Мандельштам, будучи либералом и при этом профессором-русистом, испытывал сложные чувства по поводу начатой политики русификации. В то же время его преподаванием и отношениями с финскими студентами заинтересовались как конституциональные, так и младофинские издания. Мандельштам начал сотрудничество с младофинским журналом *Valvoja* и шведоязычным изданием *Finsk Tidskrift*. Еще с 1905 года на страницах *Hufvudstadsbladet* Мандельштам вел полемику с суометарьянцами, в частности, с одним из их лидеров, Агатом Меурманом. По просьбе журнала *Valvoja*, Мандельштам написал эссе на тему будущих задач Финляндии и определили их в том числе как народное просвещение и последующий отказ от компромиссов и перехват инициативы для того, чтобы самостоятельно влиять на ход и развитие финской истории. (Сойни 1998: 33.)

Таким образом, можно говорить, что подобные взгляды Мандельштама вызывали возмущение не только у имперских чиновников, но и у старофиннов, которые в некоторой степени справедливо опасались, что подобное вольнодумство профессора-иностранца может навлечь на них гнев со стороны России.

Предшествующая полемика между Мандельштамом и старофиннами привела к возникновению открытого конфликта в 1908 году.

Первопричиной его стал спор вокруг тогдашнего сената, который возглавлял ярый защитник финской автономии, сторонник пассивного сопротивления Лео Мехелин, объединивший в правительстве сторонников конституционализма. В марте 1908 года состоялось народное голосование, по результатам которого свеженазначенный генерал-губернатор Финляндии Николай Герард заявил, что правительство, возглавляемое Мехелином, пользуется полной и беспрекословной поддержкой парламента. (Klinge 1989: 867.)

Эти высказывания в номере от 15 января 1908 года оспорила газета *Uusi Suometar*. Причин тому мы можем предположить несколько: во-первых, Мехелин являлся политическим противником старофиннов, стоявших за изданием. Во-вторых, как пишет Осмо Юссила, Л. Мехелин был «первым брошенным камнем», который вызвал нападки на Финляндию со стороны русских борцов в области права. (Юссила 2009: 539.) Наконец, в-третьих, руководство газеты могло полагать, что поддержка финским парламентом политика, который открыто придерживался позиции пассивного сопротивления, может вызвать недовольство и навлечь на страну санкции со стороны российских властей.

В то же время, как пишет Юссила, Герард изучал в Государственном совете изучал финляндские дела, однако недостаточно основательно. Поэтому связанные с Финляндией вопросы Герарду разъяснял именно Мехелин, вследствие чего уже упомянутая нами газета *Новое время* и прочие русскоязычные славянофильские издания, в числе которых издававшаяся в Хельсинки *Финляндская газета* называли Герарда явным «мехелинцем», то есть считали его в определенных вопросах пристрастным. (Там же: 699.)

Мандельштам отреагировал на публикацию в *Uusi Suometar* гневной отповедью на страницах *Hufvudstadsbladet*. По мнению профессора, опубликованная *Uusi Suometar* заметка потакала усиливавшимся в официальных российских кругах антифинским настроениям, а сама партия старофиннов, по выражению Мандельштама, была «кликлой», «сбродом» и преступной лигой, желавшей прихода к власти нового Бобрикова, в ногах

которого старофинны могли бы ползать и руки которого они могли бы лобызать, благодаря его за оковы. Как яростно выражался Мандельштам, *Uusi Suometar* была опухолью, которую необходимо было вырезать и прижечь каленым железом. (*Hufvudstadsbladet* N18)

Подобные нападки со стороны профессора, по мнению старофиннов, являлись доказательством того, что под защитой университета, внутри политического объединения, состоявшего из конституционалистов, шведоманов и младофиннов, могли спрятаться люди, безнаказанно очерняющие Финляндию. Яркая риторика Мандельштама и его несдержанность в выражениях предоставили старофиннам отличные козыри, с помощью которых они могли доказать, что, вопреки обвинениям конституционалистов, старофинны и русские вовсе не шагали рука об руку, наоборот, в данном случае русский (правда, еврей по рождению и кадет, то есть представитель либеральной российской оппозиции) выступает против старофиннов – и согласно их собственной трактовке, против всего финноязычного народа.

4 февраля 1908 года на лекции Мандельштама собралось большое количество студентов-старофиннов, устроивших протестную акцию со свистом и выкриками, которая окончилась только с приходом ректора университета Хейкеля. Он заявил, что реакцией на публикацию профессора Мандельштама может быть ответная публикация в прессе, но никак не демонстрации, которые ставят под угрозу престиж и положение Университета. Такой ответ студентов не удовлетворил – их первостепенной целью являлось добиться отставки Мандельштама. (Klinge 1989: 868.)

Между тем, конфликт набирал обороты в прессе. Все больше финских печатных изданий публиковали статьи, согласно которой профессор Мандельштам оскорбил Финляндию и финский народ. Заметки, фельетоны, памфлеты, карикатуры о Мандельштаме регулярно публиковались на страницах газет и журналов. Не ускользнула конфликтная ситуация и от внимания российских газет – такие печатные издания, как *Новое время*, *Страна*, *Наши век*, не говоря уже о выпускавшейся в Хельсинки русскоязычной *Финляндской газете*, подробно описывали все перипетии конфликта. В свете масштабности данного конфликта нас несколько удивила позиция Е. Сойни,

которая практически не упоминает эту ситуацию в посвященной Мандельштаму главе в книге *Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века*. Сойни ограничивается буквально одним предложением: «В то время, когда мысли Мандельштама были заняты столь благородным делом, как помощь голодающим России, “*Финляндская газета*” на все лады обыгрывала разногласия профессора со старофиннами, публикуя одну за другой статьи...» (Сойни 2017: 109).

На наш взгляд, разгоревшийся конфликт представлял собой намного больше, нежели «разногласия», вызвав широчайший общественный резонанс как среди граждан, так и в прессе по обе стороны границы. Публикации, посвященные сложившейся ситуации, а также их анализ являются предметом следующей главы данной работы.

3. Обзор и анализ критических публикаций в финляндской прессе

3.1 Печатные издания, принимавшие участие в конфликте

19 января 1908 года шведоязычная газета *Hufvudstadsbladet* опубликовала текст профессора Мандельштама о партии суометарьянцев и главном печатном органе партии – газете *Uusi Suometar*. В предыдущей главе мы объяснили суть конфликта, вызванного политическим противостоянием между суометарьянцами (старофиннами) и конституционалистами и младофиннами, поэтому здесь мы намерены сосредоточиться исключительно на риторике печатных изданий, вовлеченных в полемику, а также наглядно показать, что для обозначения этой полемики вполне уместно и обосновано использовать термин «скандал», настолько широкие масштабы она приняла.

Для начала мы приведем пример о масштабности развернувшегося в прессе конфликта. Если рассмотреть все печатные издания, выходившие в Финляндии на финском, шведском и русском языках в 1908 году, то окажется, что Мандельштаму в большей или меньшей степени уделяли внимание на своих страницах более 60 газет, журналов, брошюр и прочих изданий. Количество материалов, посвященных профессору, исчисляется сотнями. Ниже

мы наглядно покажем, какое количество газетного пространства было отдано под публикации о Мандельштаме, в которых его клеймили, им возмущались, его высмеивали и предлагали выслать из страны, – но также и защищали.

Виды публикаций также широко варьировались: от передовиц и редакторских статей до писем от читателей, карикатур, памфлетов, песен и шаржей. Географический разброс публикаций впечатляет: о Мандельштаме писали от Аландских островов до Выборга, принадлежавшего тогда финнам, от Хельсинки до Оулу.

Учитывая, какое количество материалов было посвящено этой теме, в нашей работе мы ограничимся анализом текстов, опубликованных в главных печатных органах партий суометарьянцев, младофиннов и шведоязычных конституционалистов. На тот момент на политической арене Финляндии действовали также такие партии, как Аграрный союз и Социал-демократическая партия. Несмотря на то, что печатные органы данных партий также не остались в стороне от конфликта и публиковали тексты как в поддержку, так и против Мандельштама, мы, как было указано в предыдущей главе, не будем в них углубляться, так как эти партии не являлись прямыми участниками политического противостояния, послужившего причиной общественной дискуссии, развернувшей вокруг публикаций профессора. Тем не менее, мы приведем отдельные примеры также из подобных изданий, чтобы наглядно показать, насколько широко ситуация с Мандельштамом освещалась в прессе того времени.

3.2 Главные и второстепенные издания, ставшие предметом анализа

Для дальнейшего анализа мы отобрали следующие издания: *Uusi Suometar* как представляющую точку зрения старофиннов, *Helsingin Sanomat* как рупор младофиннов, а также *Hufvudstadsbladet* и *Nya Pressen* как выражающие мнение шведоязычных конституционалистов. Также мы подробно рассмотрели цикл публикаций в юмористических изданиях *Tuulispää* и *Fyren*, представлявших противоположные политические взгляды. Мандельштама. Это наши основные источники на финском и шведском языках. Стоит упомянуть, что в силу крайне ограниченного знания шведского языка мы не были способны глубоко проанализировать публикации в шведоязычных изданиях,

однако мы можем говорить, по крайней мере, о частоте и регулярности публикаций, об их темах, о том, какое газетное пространство было выделено под эти материалы, а также о некоторых встречающихся в тексте словесных конструкциях, которые помогли нам определить отношение к т.н. «делу Мандельштама»

Мы также использовали как важный источник русскоязычную *Финляндскую газету*, которая являлась единственным изданием на русском языке, выходившим в Хельсинки в то время, и служила официальным печатным органом русского правительства на территории Великого княжества Финляндского.

В качестве второстепенных источников стоит упомянуть также издания, которые публиковали значительное количество материалов о Мандельштаме, но которые мы анализировали лишь поверхностно: среди таковых – шведоязычный *Wiborgs Nyheter* и финноязычная *Karjala*, выступавшие за Мандельштама, а также финноязычные *Wiipuri*, *Uusi Aura*, *Mikkelin Sanomat* и *Kaleva*, которые представляли точку зрения старофиннов и выступали с критикой Мандельштама.

Отдельно стоят печатные издания социал-демократов, такие как *Raataja*, *Työmies*, *Suomalainen kansa* и *Kansan lehti*, которые также посвятили Мандельштаму несколько номеров. Мы использовали некоторые примеры из этих изданий для особой наглядности или чтобы подтвердить определенные высказанные нами тезисы.

Для начала стоит обрисовать общую картину развернувшейся в прессе полемики с помощью небольшой статистики. Так, среди отобранных нами к анализу изданий в 1908 году непосредственно освещению конфликта с Мандельштамом посвятили:

Из главных изданий

Hufvudstadsbladet – 42 номера

Helsingin Sanomat – 23 номера

Fyren – 9 номеров

Tuulispää – 8 номеров

Nya Pressen – 41 номер

Karjala – 12 номеров

Uusi Suometar – 35 номеров

Финляндская газета – 8 номеров

Из второстепенных изданий

Uusi Aura – 28 номеров

Wiipuri – 40 номеров

Mikkelin Sanomat – 18 номеров

Wiborgs Nyheter – 15 номеров

Говоря о номерах, мы подразумеваем отдельные газетные выпуски, каждый из которых мог содержать от одного и более материалов, посвященных исключительно Мандельштаму.

Необходимо также учитывать, что большинство материалов, опубликованных в таких изданиях, как *Hufvudstadsbladet* и *Nya Pressen*, были больше по объему, нежели публикации в других изданиях, то есть шведоязычные газеты не только часто и много писали на эту тему, но также раскрывали ее более глубоко, что закономерно, учитывая, что оригинальная публикация Мандельштама была сделана на шведском языке в шведоязычной же газете *Hufvudstadsbladet*.

3.3. Начало конфликта и освещение в печати

В воскресенье 19 января Мандельштам публикует свой яростный призыв «выжечь каленым железом опухоль», под которой подразумеваются «рыцари *Uusi Suometar*», то есть редакция газеты вкупе со стоящей за ней партией суометарьянцев, а уже во вторник 21 января в *Uusi Suometar* появляется ответ. Редакция перевела на финский язык оригинальный текст Мандельштама,

снабдив его предисловием, в котором напомнила, что профессор русского языка, «чужак», уже не первый раз оскорбляет *Uusi Suometar* и стоящую за ней старофинскую партию:

«Господин Мандельштам в воскресном номере НВ в своем поистине бездонном желании оклеветать *Uusi Suometar* и всю финскую партию, проявил бесконечную злобу, гнев и слепоту, и хотя он и ранее славился сочинительством подобного сорта, в этот раз его текст превосходит сам себя и является порождением поистине большого разума» (*Uusi Suometar* N16).

Перевод, немедленно распространившийся по страницам разных изданий (*Uusi Suometar* N16, *Uusi Aura* N17, *Raataja* N2) и сопровождаемый откровенно возмущенными комментариями издателей, пробудил в сторонниках старофинской партии и прочих сочувствующих немедленный отклик. Первыми за тему взялись карикатуристы и редакторы юмористических изданий. Так, 24 января в журнале *Tuulispää* было опубликовано стихотворение под названием «Новый Иуда Искарот», с подзаголовком «Почетный доктор Йозеф Мандельштам распинает финский народ», в котором можно найти следующие строки:

«Торговать тряпьем на рынке не с руки ”почетному” доктору, а вот с кафедры отравлять умы – это занятие для Йозефа. Он виселицу готовит народу, что его кормит, и поит его уксусом вперемишку с желчью». (*Tuulispää* N4.)

В *Tuulispää* в первых рядах прибегают к аргументу против Мандельштама, который в дальнейшем будут часто использовать также другие издания, а именно – к его происхождению. И название пасквиля «Новый Иуда Искарот», и строчки про торговцев тряпьем – это все намеки на еврейское происхождение профессора. В оригинальном тексте упоминается *narinkka*, рынок в столичном районе Камппи, на котором в прошлом торговали подержанными вещами еврейские купцы, сейчас известный как *Narinkkatori*.

Всего *Tuulispää* посвятил Мандельштаму 8 выпусков, в которых создатели журнала упражнялись в остроумии и атаковали Мандельштама в стихах, памфлетах, карикатурах и поговорках. Большинство из них так или иначе высмеивали тот факт, что Мандельштам – еврей. Так, в одном из номеров авторы задали читателям вопрос: что бы вы сделали с Мандельштамом, будучи царем иудейским? Очевидно, из присланных в редакцию ответов журналисты выбрали наиболее, на их взгляд, забавные. Один из ответов гласил: «Будучи

царем иудейским, я бы заставил Мандельштама собрать в один мешок всех живущих в Финляндии шведов, а потом, со всей мочи разогнавшись, запустил бы этот мешок скользить по льду Ботнического залива – прямоком до Швеции». Таким образом, журналисты *Tuulispää* одним ударом убили двух зайцев – одновременно высмеяли Мандельштама и при этом не упустили возможности съязвить в адрес шведоязычных, своего главного противника. (*Tuulispää* N7.)

Этот же аргумент использует в своей следующей посвященной Мандельштаму крупной публикации газета *Uusi Suometar*:

«Что же за человек этот Мандельштам? Это приехавший на нашу землю из России еврей, профессор русского языка в финляндском университете, человек, чьи научные заслуги настолько смехотворны, что университету должно быть стыдно за то, что он наградил его званием почетного доктора. Еврей, который ест хлеб этого народа. Человек, которому этот народ приносит внушительный доход». (*Uusi Suometar* N20.)

Публикация, занявшая две газетные полосы, прибегая к патетической риторике, осуждает Мандельштама за то, что тот, приехав в страну и не разобравшись в ее порядках, вместо того, чтобы сосредоточиться на науке, вмешивается во внутренние дела страны и оскорбляет политическую партию, которая «все время своего существования боролась за права угнетенной финской нации, находившейся под гнетом шведской буржуазии» (там же). В конце публикации ее автор задается вопросом, может ли человек, оскорбивший финский народ, продолжать занимать пост профессора в финском университете, и сам себе отвечает – не может.

В том же номере было также опубликовано письмо за авторством «представителей рабочих из Турку», в котором они обращались к Мандельштаму с требованием написать прошение об отставке. Впоследствии, как мы увидим, во многих изданиях эти требования и обращения, призывающие Мандельштама покинуть профессорскую кафедру, будут занимать не одну газетную полосу.

Со стороны шведоязычных ответ не заставил себя ждать. 25 января выходит номер юмористического журнала *Fyren*, где на передовице красуется карикатура на *Uusi Suometar*. На карикатуре изображена женщина

отталкивающей наружности, карабкающаяся по лестнице в мантии, украшенной гербом с изображением финского геральдического льва. Ниже ее на ступеньку стоит Мандельштам, облаченный в рыцарский костюм и срывающий с нее мантию, после чего с женщины падает шапка и на голове обнажаются буквы US. Карикатура подписана *Uusi Sotnjetar*, («Новая сотня» – явный намек на черносотенцев). Карикатура дает понять, что Мандельштам разоблачает скрытые намерения старофиннов, якобы благородные и патриотические, а на деле скрывающие великодержавный шовинизм и антисемитизм. (*Fyren* N4)

Между тем, растиражированные в прессе возмущения публикацией Мандельштама привели к тому, что через неделю после публикации в *Hufvudstadsbladet* в газетах появилась информация, что делегация от студенческой организации *Suomalainen Nuija* собирается отправиться в Россию с тем, чтобы требовать у канцлера отставки Мандельштама (*Helsingin Sanomat* N21A).

В то же время, 27 января, порядка 200 студентов-старофиннов устроили во время лекции Мандельштама акцию протеста. Согласно многочисленным последующим упоминаниям этого события в прессе, порядка 200 студентов собрались в зале, где Мандельштам намеревался читать лекцию о русской литературе, и устроили шум, требуя профессора покинуть университет. Их усмирило лишь появление ректора. (*Inkeri* N9)

На следующий день после забастовки студентов и спустя 9 дней после публикации Мандельштама в *Hufvudstadsbladet* *Финляндская газета* впервые упомянула разгоревшийся конфликт, причем упомянула очень сдержанно. В то время, как финно- и шведоязычные издания буквально в каждом номере пересказывали ход событий, перечисляя все малейшие перипетии, *Финляндская газета* пишет нарочито сухо и коротко, сообщая лишь уже известную из *Helsingin Sanomat* информацию:

«В субботу явилась в университетскую канцелярию депутация от студентов «суометарьянцев», принадлежащих к союзу *Suomalainen Nuija*, просившая выдачи паспортов для поездки в Санкт-Петербург. Поездка эта, по видимому, состоит в связи с недавними нападками профессора Мандельштама на газету *Uusi Suometar*. Судя по всему, имеется в виду ходатайствовать у канцлера увольнение Мандельштама.» (*Финляндская газета* N9.)

В тот же день, 28 января, в *Helsingin Sanomat* появляется ответ Мандельштама на обвинения *Uusi Suometar* в том, что он якобы напал на «всю финскую партию» (подразумеваются старофинны, *suomalainen puolue*) или «на большую часть финского народа». В *Helsingin Sanomat* можно прочесть следующее:

«Господин Мандельштам адресовал свое послание против газеты *Uusi Suometar* и ее коварных приспешников... Господин Мандельштам говорил именно о *Uusi Suometar* и о том, что ее верных рыцарей не стоит считать представителями партии». (*Helsingin Sanomat* N22)

«Существует значимая разница между тем, что написал господин Мандельштам, и тем, что *Uusi Suometar* и ее оруженосцы утверждают, будто он написал. Или же мы действительно зашли настолько далеко, что когда US совершает большую глупость и получает в ответ справедливую критику, эту критику и эту глупость необходимо распространить на "большую часть финского народа" или "финскую партию"», - задается вопросом издание. (Там же.)

Напомним, что под «глупостью» *Helsingin Sanomat* подразумевает критику в адрес тогдашнего генерал-губернатора Финляндии Н. Герарда, в ответ на которую Мандельштам и опубликовал свой текст в *Hufvudstadsbladet*, обвиняя старофинскую партию в раболепии и желании пресмыкаться перед российской властью. Без сомнения, риторика, выбранная Мандельштамом, в частности, такие эпитеты, как «пресмыкающиеся», «клика», «сброд», «рабы» итд., вызвавшая критику даже у его сторонников, спровоцировала тот шквал негодования, который обрушился на профессора с газетных страниц. В ответ на яркую риторику Мандельштама газеты не замедлили отозваться такой же риторикой. Так, старофинская газета *Satakunta* в номере от 8 февраля называет профессора «человеком, который, судя по его склонностям, мог бы призывать студенческую молодежь к убийствам и прочим преступным деяниям», а также считает, что «вряд ли найдется во всем просвещенном мире другой человек, с такой грубостью и порочностью нарушающий все нормы приличия». Газета не останавливается и намекает, что Мандельштам намерен назваться больным и оставить университет на какое-то время из-за нервного срыва, после чего

подытоживает, что тексты Мандельштама намекают на его невменяемость. (*Satakunta* N15.)

Спустя без малого две недели после публикации в *Hufvudstadsbladet*, 30 января, в *Helsingin Sanomat* действительно появляется известие о том, что Мандельштам «в связи с болезнью попросил на время освободить его от ведения лекций». (*Helsingin Sanomat* N24.) Очевидно, слухи о нервном расстройстве не были безосновательными.

В то же время поток возмущения в его адрес не ослабевает. 30 января *Uusi Suometar* вновь публикует послание от читателей, в котором те цитируют слова Мандельштама о том, что «рыцарей *Uusi Suometar*» нельзя считать партией в той же мере, как нельзя считать партией банду разбойников или грабителей. Эти строки, по мнению авторов послания, ясно свидетельствуют о том, кого и каким образом оскорбил Мандельштам. На соседней полосе *Uusi Suometar* разместила еще одно читательское письмо с призывом к Мандельштаму оставить Финляндию. (*Uusi Suometar* N24)

Одновременно с этим публиковались и финноязычные материалы если не напрямую поддерживавшие Мандельштама, то, по крайней мере, направленные против *Uusi Suometar*. Газета *Keski-Pohjalainen*, к примеру, 1 февраля опубликовала письмо, в котором подчеркнула то же самое, что Мандельштам писал ранее в *Helsingin Sanomat*: послание профессора не было оскорблением всего финского народа или «бОльшей части финской нации», как утверждали старофинские издания: перо профессора было направлено именно на газетчиков из *Uusi Suometar*, выступивших с критикой в адрес генерал-губернатора Герарда. (*Keski-Pohjalainen* N12)

В то же время шведоязычные газеты поддерживали Мандельштама: в период с 26.01 по 02.02. 1908 в *Nya Pressen* вышло семь номеров с подробным описанием развития событий, в *Hufvudstadsbladet* - пять, отдельные публикации появились в таких изданиях, как *Wiborgs Nyheter* и *Östra Finland*. Примечательно также то, что именно шведоязычное издание впервые применило термин «скандал» по отношению к развернувшейся дискуссии, а

именно – «скандальный текст профессора Мандельштама», *prof. Mandelstams skandalskrifveri. (Hufvudstadsbladet N26.)*

Тем не менее, если быть точными, первыми связали понятие скандала с именем Мандельштама старофинны, однако они не указывали прямо на развернувшийся конфликт. Слово «скандал» было упомянуто в открытом письме членов студенческой организации Nuija к профессору Мандельштаму в следующем контексте:

«Хотя и можно подумать, будто вы оказались жертвой сенсационных журналов, которые идут на поводу у своей жаждущей скандалов аудитории, тем не менее, человек в вашей позиции не может полностью избежать ответственности за свои поступки». (*Uusi Suometar N21A.*)

Между тем, профессор Мандельштам, очевидно, оправился от первого впечатления, которое произвели на него протестные акции студентов и вернулся после непродолжительного больничного обратно в университет – только для того, чтобы столкнуться с новой студенческой забастовкой.

4 февраля в университете прошла еще одна крупная акция студентов-старофиннов, целью которой было отстранение Мандельштама от должности.

Пресса сразу же подхватила и без того горячую тему. *Helsingin Sanomat* опубликовала 5 февраля заметку под названием «Демонстрация старофинской молодежи против профессора Й. Мандельштама. Смех, глиняные свистульки и свистуны».

«Когда профессор Мандельштам вчера вошел в аудиторию, она была полна студентов из общества Nuja и прочей благородной старофинской молодежи, сагитированной для того, чтобы сообразно своему достоинству разыграть кошачий концерт, сопровождаемый дикими криками, смехом и свистом, дабы скомпрометировать профессора. Те, кто не умел свистеть, орали дурными голосами ”прочь!” ”вон!”» (*Helsingin Sanomat N29.*)

Как далее писала газета, даже ректор, немедленно пришедший с целью выяснить источник шума, не смог утихомирить студентов, которые, как утверждает *Helsingin Sanomat*, «лишь насмешничали и ворчали в ответ». Студенты отказались покидать аудиторию, требуя, чтобы ушел Мандельштам. Даже после того, как имена участников акции были записаны для дальнейшего потенциального наказания, они не покинули лекторий до того, как не ушел

Мандельштам, который, как пишет газета *Uusi Suometar*, «все это время сидел побелевший, словно гипсовая статуя». Согласно *Uusi Suometar* в акции приняло участие 150-200 человек, среди которых значительную часть составляли девушки.

Что примечательно, описывая вмешательство ректора в демонстрацию, *Uusi Suometar* подчеркивает его плохое знание финского языка:

«Ректор на ломанном финском обратился к студентам, сокрушаясь происходящим: ”ох, как нехорошо, что такое происходит в стенах нашего университета”.» (*Uusi Suometar* N29.)

Незнание финского языка, как мы дальше увидим, также неоднократно вменялось в укор самому Мандельштаму. Старофиннам было важно подчеркнуть противопоставление финского и шведского в обществе, противопоставление шведоговорящей элиты и «простого народа», который старофинны по их мнению представляли. Именно этой конфронтации был посвящен и второй материал о Мандельштаме, который *Uusi Suometar* опубликовала в том же номере от 5 февраля. Это было письмо от читателя за подписью *Abi*, то есть абитуриент.

«... необходимым считаю заявить, что одни вещи я понимаю, а других никак не возьму в толк. К примеру, наши шведолюбы, утверждающие о своей цивилизованности, расслаживающие по театрам и явно наслаждающиеся тем, как очерняют память о нашем великом муже (очевидно, имеется в виду Сакари Юрьё-Коскинен, который часто становился объектом нападок конституционалистов и младофиннов – ЛШ.), - этого я не понимаю. Но когда финская наша студенческая молодежь, охваченная праведным возмущением, освистала попытки этого очернения, - это я прекрасно понимаю!»

«Когда профессор Мандельштам, чужак, к нам приехал, он сразу же на языке, выученном по бульварному чтиву, газетенке *Fyren*, показал всю свою некомпетентность и жестокость, и я почувствовал себя бесконечно глупо, поскольку не мог сообразить, как этот господин не понимает своего положения, пусть и фиктивного, как профессора и ”просветителя” молодежи!» (*Uusi Suometar* N29.)

Как мы видим, здесь снова подчеркивается противопоставление Мандельштама как чужака старофинским студентам. Важным моментом

является критика т.н. «шведолюбов» (ruotsikot). Очевидно, Мандельштама причисляют на основании освоенного им шведского языка, к таким же «шведолюбам» и поэтому критикуют как чужака вдвойне: мало того, что он приехал из России, так еще и говорит на языке «угнетателей», шведской элиты.

О студенческой демонстрации против Мандельштама последовал настоящий шквал публикаций: о ней писали, в числе прочих, *Suomalainen kansa* (4.2.1908 N28), *Tampereen Sanomat* (4.2.1908 N27), *Uusi Aura* (4.2.1908 N13, N28), *Vasabladet* (4.2.1908 N15), *Aamulehti* (5.2.1908 N29), *Kaiku* (5.2.1908 N14), *Kajaanin lehti* (5.2.1908 N13), *Kaleva* (5.2.1908 N29), *Karjala* (5.2.1908 N29), *Käkisalmen sanomat* (5.2.1908 N14), *Pohjois-Suomi* (5.2.1908 N14), *Raahe* (5.2.1908 N10), *Tammerfors Nyheter* (5.2.1908 N19), *Työkansa* (5.2.1908 N14), *Työmies* (5.2.1908 N29), *Uusimaa* (5.2.1908 N14), *Wasa Posten* (5.2.1908 N10), *Wiipurin* (5.2.1908 N15, N29), *Åland* (5.2.1908 N11), *Östra Finland* (5.2.1908 N29) и другие.

Такой разброс и частота публикаций, появившихся даже в наиболее удаленных от Хельсинки регионах, говорят о том, что печатные издания с охотой схватились за новость, которую сочли достаточно «горячей» для того, чтобы многократно ее растиражировать. Поэтому мы в очередной раз подчеркиваем, что в отношении развернувшейся полемики уместно использовать слово «скандал», о трактовке которого, а также о вариациях на разных языках речь пойдет ниже.

6 февраля поток публикаций продолжился, однако тон начал понемногу меняться. Юмористические издания, такие как *Tuulispää*, продолжили использовать тему народного возмущения: так, в этот день журнал опубликовал карикатуру под названием «Профессор русского языка, почетный доктор Йозеф Мандельштам ведет лекцию в малом музыкальном зале». На карикатуре был изображен Мандельштам, стоящий на кафедре, и окружившие его студенты с дудками, трубами и фанфарами, извлекающие максимум звука из своих инструментов.

В то же время в *Helsingin Sanomat* появилась заметка под названием «Истинная значимость дела», где под «делом» подразумевается развернувшийся вокруг Мандельштама конфликт. В первых строчках можно

прочитать следующее: «Делу между газетой *Uusi Suometar* и профессором Мандельштамом пытаются придать куда большую значимость, нежели оно того заслуживает, и, поскольку студентов из разных лагерей пытаются втянуть в это дело, разжигая их энтузиазм, есть причины хладнокровно эту шумиху игнорировать и попытаться понять ее истинное значение». (*Helsingin Sanomat* N30.)

Далее газета привлекает внимание к тому, что конфликт изначально разгорелся именно благодаря *Uusi Suometar*, критиковавшей генерал-губернатора Герарда и «вкладывавшей оружие в руки врагам Финляндии по ту сторону границы». Ответ Мандельштама, опубликованный в *Hufvudstadsbladet*, также был «неуместным и местами содержащим в себе грубости и безвкусицу». Как считает *Helsingin Sanomat*, одна неуместная газетная заметка против другой, на этом дело можно было бы считать закрытым, но «суометарьянцы нарочно начали раздувать из этой мухи крупного слона». (*Helsingin Sanomat* N30.)

В заметке еще несколько раз подчеркивалась искусственная раздутость ситуации.

В этом же номере была опубликована и другая заметка, на этот раз посвященная демонстрации против Мандельштама. В ней осуждались действия студентов-суометарьянцев, однако повторялась мысль о том, что изначальный текст Мандельштама был «неуместным», тем не менее, по мнению автора заметки, студенты «должны были быть выше этого».

Если студенты-старофинны требовали отстранить Мандельштама от должности, младофинны и шведоязычные высказывались в его поддержку. Так, в газете *Satakunta* от 8 февраля появляется информация о том, что шведоязычные студенты вместе с младофиннами провели собрание, на котором выдвинули ноту протеста против акции старофиннов, направленной на отстранение Мандельштама. Как пишет *Satakunta*, «собравшиеся шведы за немногочисленным исключением говорили о жестокости финнов... Когда ученая молодежь Финляндии пытается избавиться от вторгнувшегося к ним еврея, то это, оказывается, ни больше ни меньше, а жестокость!» (*Satakunta* N15.)

В это же время шведоязычные журналы требовали наказать участников демонстрации, о чем финноязычная пресса не замедлила сообщить. Так, 6 февраля в *Hufvudstadsbladet* появляется заметка под названием «Кампания суометарьянцев против профессора Мандельштама» с подзаголовком «*Uusi Suometar* и скандал в университете». В ней в том числе призывают к тому, чтобы наказать участников протестной акции. (*Hufvudstadsbladet* N36.)

Helsingin Sanomat на это возразила, что когда младофинны и шведоязычные устроили свою акцию протеста против суометарьянцев, газету это не волновало, но в отношении демонстрантов-старофиннов *Hufvudstadsbladet* требует наказания, что, по мнению авторов *Helsingin Sanomat*, являлось фарисейством. (*Helsingin Sanomat* N30.)

Между тем, волнения не утихали. 8 февраля в *Helsingin Sanomat* появляется небольшая заметка о том, что за день до этого у дверей аудитории Мандельштама собралась группа студентов, не принадлежавших к слушателям его курса, в результате чего сотрудники университета вынуждены были вмешаться и отправить домой «всех, кто не принадлежал к числу регулярных посетителей лекций профессора. Никакой демонстрации не произошло, и собравшаяся у дверей публика понемногу рассосалась после того, как профессор Мандельштам проследовал в аудиторию». (*Helsingin Sanomat* N32.)

В тот же день, 8 февраля, *Uusi Suometar* опубликовала статью под названием «Дело Мандельштама» с подзаголовком «Демонстрации временно прерваны». (*Uusi Suometar* N32)

Как становится понятно из статьи, студенты-старофинны столкнулись с протестной реакцией студентов из рядов шведоязычных и младофиннов, после чего решили действовать иначе. Члены студенческой организации Nuija приняли решение отправить делегацию к ректору университета с целью потребовать отставки Мандельштама. Газета использует термин «временное перемирие», однако на деле это означала лишь отказ от физических протестов в университете на какое-то время. Публикации против Мандельштама продолжали следовать одна за другой.

9 февраля *Helsingin Sanomat* сообщила о том, что делегация студентов-старофиннов оставила ректору университета жалобу на Мандельштама, и

ректор ее принял, сообщив, однако, что рассматривать ее будет инспекторская коллегия. (*Helsingin Sanomat* N33A.)

3.4. Конфликт достигает пика

11 и 12 февраля *Uusi Suometar* публикует пространные материалы, занимающие от 2 до 4 газетных полос, в которых отставки Мандельштама требуют многочисленные общества и объединения. Так, 11 февраля в газете опубликованы призывы от лаппенрантского и Выборгского отделений общества *Suomalainen nuori*, а также от отделений Финского общества (*Suomalainen seura*) в Лапуа, Сортавала, Лахти, Хамина, Лувиа, Урьяла, Пори, Котка, Юливиеска, Харьявалта и Санкт-Петербурге с требованиями отстранить Мандельштама от должности и выражениями солидарности в адрес студентов, демонстрацией «исполнивших долг перед финским народом». (*Uusi Suometar* N34.)

12 февраля газета продолжает публиковать призывы отстранить Мандельштама от должности. К этому призывали, в числе прочих, «группа из Кялвия», «Каарло Мустакорпи из Коккола», «сторонники финской партии» из Сало, Муурла, и Калайоки, а также отделения Финского общества из Юлистаро, Сейняйоки, Илмайоки, Порвоо и Нурмио. (*Uusi Suometar* N35.) В этом же номере сообщалось и о том, что в разных уголках Финляндии проводятся собрания с требованиями убрать Мандельштама из университета. Эти собрания проводили как члены уже упомянутого Финского общества в разных городах, так и другие общественные объединения, поддерживающие политические взгляды старофиннов.

Поток публикаций не ослабевал. 14 числа, накануне вынесения инспекторской коллегией вердикта по делу о студенческих демонстрациях, *Uusi Suometar* сообщает своим подписчикам об издании брошюры, посвященной Мандельштаму. Газета информирует читателей о том, что в брошюру войдут протоколы заседаний инспекторской коллегии, полторы недели занимавшейся делом Мандельштама, обзор политической деятельности профессора, публикация в НВ, ставшая причиной общественных волнений, а также информация о демонстрациях, проведенных студентами. Эта брошюра, как обещали ее создатели, должна была «создать объективную базу для того

вопроса, который приобретает все более широкое практическое и идеологическое значение». (*Uusi Suometar* N37). Цена брошюры составляла 1 марку 25 пенни. Газета призывала книжные магазины, общественные организации и частных распространителей «поторопиться с заказом вследствие ограниченного тиража» (там же).

В последующие несколько дней газеты продолжали освещать мельчайшие подробности, связанные с Мандельштамом. Издания, поддерживающие старофиннов, по-прежнему пестрели требованиями об отставке профессора, в то время как сочувствующие ему газеты сообщали о том, что в Хельсинки готовится прибыть очередная делегация из 11 человек, состоящая из старофинских сторонников, которая намеревается требовать от ректора университета отстранения Мандельштама. (*Helsingin Sanomat* N41.)

Середина и конец февраля стали пиком конфликта. Основная масса публикаций о Мандельштаме приходится именно на этот период. Ежедневно в десятках печатных изданий появлялись материалы, так или иначе связанные с Мандельштамом. Для тех, кто не успевал отслеживать все перипетии дела, главные партийные печатные органы раз в неделю публиковали сводки, в которых были собраны выдержки из остальных близких по духу изданий. Дров в костер общественного негодования подкинула как речь ректора университета от 20 февраля, в которой тот защищал Мандельштама, так и предложение университетского вице-канцлера о том, чтобы оскорбленные действиями Мандельштама самостоятельно добивались справедливости в суде, поскольку университетские власти не увидели в публикациях Мандельштама ничего предосудительного. (*Helsingin Sanomat* N43A.)

В это же время в некоторых младофинских изданиях появляются публикации о том, что, раздувая дело Мандельштама, старофинны на самом деле пытаются отвлечь внимание своих сторонников от происходящих в стране масштабных политических перемен, в частности, от назначения на пост генерал-губернатора Финляндии военного генерала Бекмана, сменившего на этом посту либерального Герарда. Смена Герарда означала, что постепенно политический курс меняется на более жесткий, об этом свидетельствовало и сосредоточение важных государственных дел в руках генерала Зейна, назначенного помощником генерал-губернатора. У младофиннов и конституционалистов вызывал опасение также Третий созыв российской

Думы, которая была озабочена т.н. финляндским вопросом, то есть вопросом автономии финнов, и, в частности, в 19 номере газеты *Laatokka* можно прочесть следующее: «Напрасно нас хотят уверить в Новом времени и других подобных ей газетах, что наша автономия останется в целости, ибо наряду с этим уверением в реакционной думе занимаются обсуждением вопроса об отделении от Финляндии Выборгской губернии, об уничтожении таможенной границы, о соединении железных дорог, а назначение нового генерал-губернатора подтверждает это стремление». (*Laatokka* N19.)

Вторит изданию *Laatokka* и *Suomalainen kansa*, которая в номере от 20 февраля выражает опасение, что сложившаяся в России политическая ситуация и отставка Герхарда негативно скажутся на Финляндии:

«А что же делают суометарьянцы в эту минуту нагрянувшей опасности? Они стремятся помешать подъему чувств народа, идущего навстречу этой опасности. Главный их орган не интересуется ни назначением Зейна, ни перемена Генерал-Губернатора, вместо этого он гнусно и коварно задался историей Мандельштама, стараясь раздуть ее исключительно для того, чтобы отвести глаза своей партии от современных событий». (*Suomalainen kansa* N42.)

Пока младофинны пытались просчитать мотивы, двигавшие их политическими соперниками, старофиннов возмутило решение об отстранении от учебы студентов, принимавших участие в демонстрациях против Мандельштама. Речь ректора с сообщением об отстранении опубликовала, в частности, *Helsingin Sanomat* в номере от 23 февраля. Реакция последовала незамедлительно – в Хельсинки прошел крупный съезд старофиннов, которые приехали в столицу из самых удаленных уголков страны. В съезде приняло участие, согласно разным изданиям, от 1500 до 1800 человек. *Финляндская газета*, 27 февраля посвятившая съезду и его предыстории целых пять газетных полос, назвала цифру 1800. Как сообщает *Финляндская газета*, «съезд был собран для обсуждения вопроса о мероприятиях против иноземца, вмешавшегося во внутренние дела страны». По итогам этих обсуждений к ректору университета была направлена делегация с требованием отстранить Мандельштама, вернувшаяся, однако, ни с чем – посланцы не сумели отыскать ректора. Взамен было решено отправить в Петербург к канцлеру университета

барону Лангофу делегацию из трех человек с тем же требованием. (Финляндская газета N25.)

Именно съезд стал, на наш взгляд, кульминацией «дела Мандельштама», после чего конфликт понемногу начал затухать.

3.5. Спад общественной реакции

В начале марта конфликт постепенно начал затихать. К этому привело как то, что никаких действий против Мандельштама руководство университета предпринимать не стало, так и то, что поездка в Петербург представителей суометарьянцев не принесла ожидаемых результатов, и то, что все стороны конфликта, очевидно, устали день за днем публиковать одни и те же аргументы за и против. Старофинские газеты понемногу начали менять тон своих материалов: если раньше упор делался на оскорблениях, которые нанес Мандельштам всему финскому народу в лице *Uusi Suometar* и старофинской партии, то понемногу фокус стал смещаться на то, что Мандельштам – слишком ничтожная персона, чтобы продолжать о нем писать.

Последние публикации *Helsingin Sanomat* о «деле Мандельштама» можно найти в номере от 15 марта с упоминанием, что как читатели, так и сама редакция уже устала от освещения этого конфликта. *Uusi Suometar* 13 марта еще попыталась в последний раз вяло потребовать принять в отношении Мандельштама меры, однако после этого сдалась и она. Последняя публикация *Uusi Suometar* о Мандельштаме в 1908 году ограничивается заметкой о переписке между Мандельштамом и профессором Максимом Максимовичем Ковалевским. Заметка хоть и написана в несколько уничижительном тоне, однако не содержит никакого упоминания о прошедшем конфликте. (*Uusi Suometar* N77.)

После этого в публикациях о Мандельштаме воцаряется затишье вплоть до сентября, когда сразу несколько изданий, в числе которых *Helsingin Sanomat* и *Mikkelin Sanomat*, объявляют о том, что Мандельштам получил освобождение от преподавания (*virka vapaa*) на три месяца. В то же время *Satakunta* в заметке от 19 сентября спекулирует на тему, не собирается ли Мандельштам «отряхнуть финский прах со своих ног» и покинуть страну.

Очевидно, все произошедшее не могло не сказаться на здоровье профессора, который к тому времени уже перешагнул рубеж 60-ти лет, и почел за лучшее на время воздержаться от чтения лекций.

4. Анализ и выводы

4.1 Основные причины критики в адрес Мандельштама

На основании использованных в прессе аргументов мы выделили главные причины, по которым текст Мандельштама вызвал такой масштабный критический отклик, и поделили их на четыре категории.

Первой из них стала условная отстраненность Мандельштама от объекта его критики – партии старофиннов, позиционирующей себя как голос большинства финского народа. Во-первых, Мандельштам был чужаком: он был не просто иностранцем, он был дважды иностранцем, прибывшим из России евреем, что подчеркивалось буквально в каждом втором направленном против него тексте. «Вы думаете, что этот старый иудей осмелился бы раз за разом плевать нам в лицо, если бы не знал, что его спина прикрыта, если бы он не осознавал, что является важным посредником в деле очернения государственной партии, существование которой так раздражает его патронов?» (*Uusi Suometar* N36.)

Во-вторых, он был шведоязычным, что также компрометировало его в глазах старофиннов. Как мы ранее приводили примеры, Мандельштаму пеняли на то, что он не знает финнов и не способен их понять, поскольку не владеет их языком.

«Мандельштам совершил тяжелейшее преступление против приличий. Он обвинил финнов, нашу партию и ее членов в предательстве родины, хотя сам он родины не имеет. Человек, который ничего не может знать о любви к отечеству, бросается таким обвинением! Если к тому же заметить, что все известное ему о финнах и нашей родине он знает исключительно через шведский язык, что может быть естественнее, чем перенять в этих вопросах готовую позицию от шведолобов (*ruotsikot*).» (*Raataja* N4.)

Неоднократно упоминаемое нами противопоставление между финнами и шведами и позиция Хельсинкского университета, который был «засильем

шведоязычных», делали Мандельштама чужаком в глазах многих студентов и сторонников старофинской партии.

«Студенты прекрасно знают, чего стоит наш нынешний университет. Неоднократно говорили они о том, что как академическое и гражданское учреждение он не стоит и гроша. Это лишь гнездо, где пригревают и взращивают шведскость (*ruotsalaisuus*). Академическая компетентность там ничто по сравнению со шведским происхождением. Науку там делают таким образом, что ни один финн не попадет в профессорское кресло, пока не сыщутся как минимум двое шведолюбов. И святость этого заведения якобы оскорбили наши финские студенты, освистав и выгнав оттуда бесчестного еврея!» (Там же.)

Третья, и, возможно, главная причина – это вмешательство во внутренние дела страны человека со стороны, который не считался «своим» среди большей части общества. Несмотря на явные симпатии к финнам со стороны Мандельштама, несмотря на то, что в российской прессе Мандельштам из-за этих симпатий подвергался критике, это не имело никакого значения для старофиннов, поскольку он выступал на стороне политического противника – шведоязычных конституционалистов, раз, два – он не имел, по их мнению, достаточной компетенции для того, чтобы высказывать суждения на такие узкоспециальные темы, как партийная политика внутри страны.

Четвертая причина – нельзя исключать вероятность того, что старофинны действительно в некоторой мере искусственно раздували конфликт, пытаясь на фоне укрепить собственные политические позиции, ослабив противника, то есть шведоязычных конституционалистов в лице Мандельштама.

4.2 О языке описания конфликта

Одним из вопросов, которым мы задавались написании данной работы, был вопрос о том, уместно ли использовать термин «скандал» в отношении развернувшейся между Мандельштамом и финской прессой полемики. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нужно взглянуть на оригинальный язык статей.

Так, если проанализировать термины, которые употребляла о конфликте финноязычная пресса, то можно увидеть широкую вариативность. На страницах финноязычных газет можно встретить следующие эпитеты: *asia* (дело, инцидент), *jupakka* (спор, ссора), *kohu* (шумиха), *skandaali* (скандал), *kahakka* (схватка, драка), *juttu* (дело). Наиболее распространенными вариантами были нейтральные *asia* и *juttu*, все остальные в той или иной степени несли сильную эмоциональную окраску и использовались с целью усиления эмоционального эффекта на читающего.

В шведоязычной прессе также используется *skandalen*, что означает скандал, и *äffären* – «номер» в переносном смысле, большое событие с негативным оттенком.

В русскоязычной финской прессе, то есть в *Финляндской газете* также встречается разнообразие вариантов: «история», «нападки», «дело», «ситуация».

Если объединить вариативность терминов с масштабами распространения публикаций, как нам кажется, вполне уместно говорить о скандале, причем скандале национальном, настолько широкое распространение он получил. Пусть небольшие печатные издания на Аландских островах или в Каяни не посвятили делу Манделыштама столько разворотов, сколько крупнейшие столичные газеты, однако информация о происходящем дошла до самых удаленных уголков Финляндии.

4.3 Выводы

Конфликт, своими причинами уходящий в политические противоречия между шведоязычными конституционалистами, младофиннами и старофиннами, не сформировался в один день: текст Манделыштама, опубликованный в *Hufvudstadsbladet* стал лишь катализатором. Известно, что столкновения между Манделыштамом и партийными лидерами старофиннов происходили и до 1908 года, в частности, профессор и ранее вел дебаты в прессе с Агатом Меурманом, одним из идеологов фенноманского движения. Так, еще в 1905 году *Финляндская газета* писала о протестах, опубликованных в *Uusi Suometar* в отношении Манделыштама, который читал лекции в кружке

«Молодая Россия и Финляндия», выступая с критикой «психологии суометарьянцев». (*Финляндская газета* 1905/N176.) Эта критика, очевидно, вызвала протестную реакцию студентов-фенноманов, делегация от которых, если верить *Финляндской газете*, вела с Мандельштамом спор более трех часов. Согласно *Uusi Suometar*, цитаты из которой приведены в *Финляндской газете*, лекция была воспринята «как ругательство в адрес значительной части студенчества и даже как ругательство против значительной части финского народа». То есть уже тогда старофинны пытались назвать свою идеологию как представляющую взгляды большинства финнов. Это в дальнейшем стало основной конфликта между ними и Мандельштамом, потому что высказывания последнего в адрес суометарьянцев интерпретировались как оскорбления в адрес всего финского народа, который якобы представляла партия старофиннов.

Почвой для конфликта являлась не только политика, хотя, разумеется, завязкой послужил именно политический конформизм старофиннов по отношению к России, против которого так яростно выступал Мандельштам в своей обличительной статье. Языковой вопрос и противопоставление шведо- и финноязычных также сыграли свою роль, как и иностранное происхождение Мандельштама. В незнании финского и, как следствие, заимствовании своих политических позиций у шведоязычных конституционалистов Мандельштама обвиняли с того самого момента, как только он включился в публичное обсуждение «финляндского вопроса». Так, в номере *Uusi Suometar* от 14 декабря 1905 года Агатон Меурман пишет, обращаясь к Мандельштаму: «Вам, чужеземцу, удалось с заднего крыльца попасть на почетное и хорошо оплачиваемое место за счет народа, семь восьмых которого говорит на финском языке, знание которого считает для себя обязательным каждый образованный человек в нашей стране. Вы же, господин статский советник, своею собственною властью освободили себя от этой обязанности, определенно установленной для всех наших других коллег...» (*Uusi Suometar* N286.)

По отдельности все эти составляющие, и политические противоречия, и незнание финского, и происхождение Мандельштама, возможно, не

спровоцировали бы скандал такого масштаба, однако все вместе, помноженное на пеструю риторику профессора, которую он применял в отношении старофинской партии, называя ее представителей «сбродом» и «кликой», вызвало небывалый отклик.

Еще одной причиной, по которой дело Мандельштама приняло такой масштабный оборот, является политизированность финляндской прессы на тот момент. Как мы ранее уже говорили, практически все печатные издания на тот момент имели ярко выраженную партийную принадлежность, поддерживая и распространяя те или иные политические взгляды. Мелкие издания на периферии следовали примеру главных печатных органов собственной партии, распространяя те же известия и призывы. Таким образом конфликт, зародившийся в столице, стал общественным достоянием от Оулу до Выборга и Аландских островов, поскольку в основе его лежала политика.

Пожалуй, наибольший интерес наравне с молниеносным распространением материалов о Мандельштаме в финляндской прессе вызывает риторика, которую использовали печатные издания в отношении профессора. Если провести параллель с языком современных СМИ, можно говорить о языке вражды или риторике ненависти, которую использовали журналисты в отношении Мандельштама. Если исходить из определения, согласно которому риторика ненависти представляет собой совокупность языковых средств, направленных на выражение резко отрицательного отношения, то носитель иной системы ценностей с помощью языка вражды рисуется как отталкивающий, вызывающий отвращение. Именно этим занимались в отношении Мандельштама журналисты многочисленных изданий, которые поддерживали старофинскую партию. Конфликт, который изначально был исключительно идеологическим, стали принимать агрессивные и нетерпимые черты благодаря национализму, который лежал в основе фенноманства как движения. Наиболее частым упреком в адрес Мандельштама было то, что он «чужак», причем чужаком он являлся одновременно по двум категориям: он был евреем по происхождению и одновременно российским подданным, статским советником на службе Российской империи. Журналисты неоднократно подчеркивают его «инаковость» с помощью откровенно ксенофобских и антисемитских высказываний: в его адрес звучат такие

эпитеты как «старый иудей», «бесчестный еврей» и «Иуда Искарот». В наши дни подобные высказывания легко могли бы стать предметом судебного разбирательства по статье «Разжигание межнациональной розни» или «Дискриминация».

Именно то, что Мандельштам большей частью общества воспринимался чужаком, несмотря на то, что с конституционалистами его роднил шведский язык, и стало, как нам кажется, главной причиной возмущения его вмешательством во внутривнутриполитические распри Финляндии.

Общий посыл большинства рассмотренных нами публикаций можно охарактеризовать как травлю. Обилие материалов и откровенно уничижительный характер большинства из них, использование ксенофобских выражений, большое количество карикатур, шуточных стихов и прочих материалов, призванных высмеять и унизить Мандельштама всеми доступными способами, на наш взгляд, соответствуют критериям травли, которая, очевидно, достигла своих результатов: в сентябре 1909 года Мандельштам после всех пережитых волнений попросил на три месяца освободить его от преподавания. Мы не можем с уверенностью утверждать, что именно поведение газетчиков стала причиной его самоустранения от учебного процесса, однако есть все предпосылки для того, чтобы так считать.

В то же время если взглянуть на ситуацию с точки зрения простого наблюдателя, а не исследователя, то можно говорить о трагедии человеческой судьбы, считываемой сквозь газетные строчки. Либерально настроенный Мандельштам, поддерживавший финскую автономию и защищавший ее на страницах российских печатных изданий и в переписке с друзьями, оказался объектом ненависти со стороны того общества, права которого он так яростно пытался отстаивать. Его собственные стремления и убеждения, главным из которых было стремление поддержать финнов на их пути к независимости, оказались похороненными под грудой газетных заметок, полностью извративших смысл его изначального посыла.

5. Заключение

Целью данной работы был анализ газетного конфликта, разгоревшегося между профессором И. Е. Мандельштамом и газетой *Uusi Suometar* в 1908 году. Постепенно к этому конфликту, продлившемуся почти четыре месяца, с января по апрель, подключалось все больше и больше печатных изданий, до тех пор, пока самые мельчайшие подробности этого дела не стали известны практически в любом уголке Финляндии.

Для нас как непосредственно знакомых с журналистской работой на собственном опыте, изучение и анализ печатных материалов начала XX века представлял огромный интерес. В целом, как тема исследования, так и исходные условия для ее разработки были, на наш взгляд, необычными: несмотря на то, что наша работа написана в рамках учебной программы по русскому языку и литературе, основная масса источников, с которыми нам пришлось работать, были опубликованы на финском и шведском языках, и литературой, разумеется, не являлись (хотя тон и детали отдельных публикаций были явно позаимствованы из беллетристики). О трудностях, которые вызвал, в частности, шведский язык первоисточников, мы расскажем далее, а пока вернемся непосредственно к теме. Основной причиной, по которой мы выбрали именно эту тему, являлось, как ни странно, практически полное отсутствие предыдущих исследований. Если научные тексты Мандельштама хотя бы в какой-то мере известны филологам, то газетные события 1908 года с участием профессора ранее филологами и литературоведами не изучались, что давало нам, с одной стороны, определенное преимущество первопроходца, с другой — лишало возможности опереться на уже существующие исследования по теме.

Основными задачами при разработке темы был отбор и анализ источников, то есть газетных публикаций о Мандельштаме. Их обилие в масштабах конкретно магистерской работы представляло определенную трудность. По запросу *Mandelstam* в цифровом архиве Национальной библиотеки можно найти более 1300 ссылок на материалы за один только 1908 год. При этом для понимания полной картины желательно было также изучить отдельные издания, в том числе российские, выходившие с 1897 по 1907 годы, то есть за

тот срок, что Мандельштам занимал должность профессора в Хельсинки. В нашей работе мы не могли сосредоточиться на всех изданиях и публикациях, писавших в 1908 году о Мандельштаме, и нам пришлось ограничиться лишь выборкой статей, допуская при этом, что составленная нами картина может быть в определенном смысле субъективной. В итоге мы отобрали источники, руководствуясь их важностью с точки зрения распространения партийных взглядов, а также на основании частоты публикаций по интересующему нас вопросу.

Одной из задач был также анализ методов языкового выражения, которые использовались в газетных материалах о Мандельштаме. На основании риторики и эпитетов, которые многие из изданий применяли по отношению к Мандельштаму, нам кажется уместным говорить об использовании языка вражды, если облекать это в современные термины. Также есть все причины считать произошедший конфликт скандалом в широком смысле слова: на это указывают и количество публикаций по теме, и их распространенность, и тональность.

Анализ причин, по которым Мандельштам был подвергнут настолько масштабной критике, также входил в наши задачи при разработке темы. В итоге мы пришли к выводу, что к этому привела совокупность причин, главными из которых являлись его приверженность взглядам языкового меньшинства, иностранное происхождение и недостаточная, по мнению оппонентов, компетентность для того, чтобы вмешиваться во внутриаполитическую жизнь страны.

В ходе разработки темы нам пришлось столкнуться с несколькими трудностями, из которых наиболее масштабной являлось наше поверхностное владение шведским. Учитывая, что первоначальная публикация и масса других материалов были опубликованы на шведском языке, нам пришлось приложить немало усилий для того, чтобы вычленив из этих текстов главное. Если публикация Мандельштама была переведена и растиражирована в финноязычной прессе, то последовавшие за ней материалы в таких изданиях, как *Hufvudstadsbladet*, *Nya Pressen*, *Östra Finland* и других шведоязычных газетах представляли для нас определенный вызов при анализе текста.

Недостаточное владение языком несомненно отразилось на детальности нашей работы.

Затруднение при сборе материала и анализе текстов представляли также газетные шрифты начала XX столетия. Если чтение дореволюционного шрифта на русском языке никаких трудностей не представляло, то чтение большинства финноязычных газет, в частности, наших главных источников *Helsingin Sanomat* и *Uusi Suometar*, поначалу существенно замедлялось из-за того, что сперва необходимо было привыкнуть и освоиться с новым рисунком шрифта. Надо отдать должное многим изданиям, их шрифты не требовали особых усилий: в частности, практически все шведоязычные издания и юмористические журналы были набраны ясным и понятным шрифтом. Разумеется, носитель финского языка вряд ли столкнулся бы с подобными препятствиями, тем не менее, на ход нашей работы этот аспект повлиял.

В то же время моменты, которые при разработке данной темы для нас представляли затруднения, могут стать предпосылками для дальнейшего исследования. Обилие источников дает возможность углубиться в мельчайшие подробности и создать исчерпывающий анализ конфликта. Шведоязычные публикации для исследователя, владеющего языком в полной мере, также могут представлять немалый интерес и наверняка раскроются более полно.

Наиболее плодотворным, на наш взгляд, может стать подход, при котором исследователь возьмется за сравнительный анализ публикаций о Мандельштаме в российской прессе того периода и сопоставит их с материалами финляндской печати. Газетный скандал с участием Мандельштама безусловно был известен также в России. Российская пресса националистического уклона использовала малейшую возможность, чтобы в невыгодном свете представить профессора-вольнодумца своему читателю. Было бы крайне интересно сравнить тон публикаций в финляндских и российских газетах того периода и воссоздать полную картину освещения конфликта в прессе на трех языках.

Также немалый интерес представляют письма Мандельштама, которые находятся в архиве ИРЛИ РАН. Исследователю, заинтересованному не только

в научной деятельности, но и в остальных аспектах жизни Мандельштама в Финляндии, эти письма наверняка помогут раскрыть личные детали событий 1908 года, которые остались за рамками данной работы.

Мы можем лишь предполагать, как отнесся сам профессор к скандалу, в эпицентре которого он оказался. Судя по выдержкам из писем, которые мы цитировали в нашей работе, Мандельштам искренне уважал финнов за их стремление к свободе, и всячески их в этом стремлении поддерживал. По несчастливой случайности, его благие намерения были истолкованы превратно.

Мандельштам оказался зерном, зажатым между жерновами политического противостояния младофиннов, конституционалистов и старофиннов. Несмотря на то, что Мандельштамом двигала, по сути, та же идея, что и финноманами-старофиннами, а именно — идея национального государства, из-за внутренней разобщенности финского общества на тот момент его посыл не был услышан и оценен. Возможно, дальнейшие исследования смогут восстановить справедливость и более четко обозначить имя Мандельштама не только в истории литературоведения, но и в истории российско-финляндских культурных связей.

Список использованной литературы

Источники

Новое время N7918: Кафедра русской словесности. *Новое время*. 14.03. 1898, 7918

Новое время N7927. ... *Новое время*. 23.03. 1898, 7927

Финляндская газета N9: Местная хроника. *Финляндская газета*. 28.01.1908, 9

Финляндская газета N14: Местная хроника. *Финляндская газета*. 06.02.1908, 14

Финляндская газета N16: Местная хроника. *Финляндская газета*. 09.02.1908, 16

Финляндская газета N22: Финская печать о современном положении. *Финляндская газета*. 22.02.1908, 22

Финляндская газета N23: Местная хроника. *Финляндская газета*. 23.02.1908, 23

Финляндская газета N24: Местная хроника. *Финляндская газета*. 25.02.1908, 24

Финляндская газета N25: Старофинны и профессор Мандельштам. *Финляндская газета*. 27.02.1908, 25

Финляндская газета N26: Местная печать об ответе г. Мехелина на сеймовые запросы. *Финляндская газета*. 29.02.1908, 26

Финляндская газета N32: К современному положению. *Финляндская газета*. 12.03.1908, 32

Финляндская газета N37: Местная хроника. *Финляндская газета*. 21.03.1908, 37

Aamulehti N29: Mielenosoitus häpäisijä Mandelstamia vastaan. *Aamulehti*. 5.2.1908, 29

Fyren N4: Uusi Sotnjetar. *Fyren*. 25.01.1908, 4

Fyren N6: Håkansson, Nationldagen. *Fyren*. 08.02.1908, 6

Fyren N7: Maija Danielsson-Kalmari. *Fyren*. 15.02.1908, 7

Fyren N7: Nuja veteranen. *Fyren*. 15.02.1908, 7

Fyren N7: Sepia, Nationakdivor. *Fyren*. 15.02.1908, 7

Fyren N8: Hjältarne festa. *Fyren*. 22.02.1908, 8

Fyren N9: Håkansson, Föregångsförhållanden. *Fyren*. 29.02.1908, 9

Fyren N10: Jim, Efterskörd. *Fyren*. 07.03.1908, 10

Fyren N10: Mr., Bravo! *Fyren*. 07.03.1908, 10

Fyren N11: Professor Mandelstam — det finska partiets historiograf! *Fyren*. 14.03.190, 11

Fyren N15: Mr. Ex, Mitt herskap! *Fyren*. 11.04.1908, 15

Fyren N20: X, Summa summarum, *Fyren*. 30.05.1908, 20

Helsingin Sanomat N212: Yliopiston syyslukukauden avajaiset. *Helsingin Sanomat*. 15.09.1908, 212

Helsingin Sanomat N63B: Turtta, Kirje Helsingistä. *Helsingin Sanomat*. 15.03.1908, 63B

Helsingin Sanomat N57B: Turtta, Kirje Helsingistä. *Helsingin Sanomat*. 08.03.1908, 57B

Helsingin Sanomat N55: S:a, Päivän pakina. *Helsingin Sanomat*. 06.03.1908, 55

Helsingin Sanomat N48: K. S., Kunniantunto. *Helsingin Sanomat*. 27.02.1908, 48

Helsingin Sanomat N47: J. M. M., Suomettarelaiten kokous. *Helsingin Sanomat*. 26.02.1908, 47

Helsingin Sanomat N46: Suomettarelaiten juuri kokous Mandelstam-jutun johdosta. *Helsingin Sanomat*. 25.02.1908, 46

Helsingin Sanomat N45A: Prof. Mandelstamin asia. *Helsingin Sanomat*. 23.02.1908, 45A

Helsingin Sanomat N45B: Turtta, Kirje Helsingistä. *Helsingin Sanomat*. 23.02.1908, 45B

Helsingin Sanomat N44: Suomettarelainen sotaretki professori Mandelstamia vastaan. *Helsingin Sanomat*. 22.02.1908, 44

Helsingin Sanomat N43A: Sijaiskanslerin ja rehtorin puheet oppilaille. *Helsingin Sanomat*. 21.02.1908, 43A

Helsingin Sanomat N42: Suomettarelaiten lähetystöhommat. *Helsingin Sanomat*. 20.02.1908, 42

Helsingin Sanomat N42: Tiera, Pirstaleita. *Helsingin Sanomat*. 20.02.1908, 42

Helsingin Sanomat N41: Eiköhän jo sopisi lopettaa? *Helsingin Sanomat*. 19.02.1908, 41

Helsingin Sanomat N41: Suomettarelaiten agitaatio Mandelstamia vastaan jatkuu yhä. *Helsingin Sanomat*. 19.02.1908, 41

- Helsingin Sanomat N41: Prof. Mandelstam ja suomettarelaiset ylioppilaat. *Helsingin Sanomat*. 19.02.1908, 41
- Helsingin Sanomat N32: Metelöitsijät vaikenivat. *Helsingin Sanomat*. 08.02.1908, 32
- Helsingin Sanomat N30: Jutun todellinen arvo. *Helsingin Sanomat*. 06.02.1908, 30
- Helsingin Sanomat N29: Suomettarelsisten nuorukaisten mielenosoitus prof. Mandelstamia vastaan. Nauruja, savikukkoja ja viheltäjiä. *Helsingin Sanomat*. 05.02.1908, 29
- Helsingin Sanomat N23: Muut lehdet. *Helsingin Sanomat*. 29.01.1908, 23
- Helsingin Sanomat N22: Yleisöltä. *Helsingin Sanomat*. 28.01.1908, 22
- Helsingin Sanomat N30: Teemu, Päivän pakina. Mielenosoitus. *Helsingin Sanomat*. 06.02.1908, 30
- Helsingin Sanomat N24: Pikku uutisia. *Helsingin Sanomat*. 30.01.1908, 24
- Helsingin Sanomat N22: Pikku uutisia. *Helsingin Sanomat*. 28.01.1908, 22
- Helsingin Sanomat N21A: Teppo, Professori Mandelstam ja Suomettarelaiset. *Helsingin Sanomat*. 26.01.1908, 21A
- Hufvudstadsbladet N18: Mandelstam, Josef. Från allmänheten. Hvilken gärning kallas i folkens historia den nesligaste? *Hufvudstadsbladet*. 19.01.1908, 18
- Hufvudstadsbladet N26: m. Professor Mandelstam och suometarianerna. *Hufvudstadsbladet*. 27.01.1908, 26
- Hufvudstadsbladet N36: Suometarianernas kampanj mot professor Mandelstam. *Hufvudstadsbladet*. 06.02.1908, 36
- Hufvudstadsbladet N40: De suometarianska studenterna, prof. Mandelstam och Novoe Vremja. *Hufvudstadsbladet*. 10.02.1908, 40
- Kaiku N14: Mielenosoitus professori Mandelstamille. *Kaiku*. 5.2.1908, 14
- Inkeri N9: Mielenosoitus yliopistolla. *Inkeri*. 29.01.1908, 9
- Keski-Pohjalainen N12: Mikko Mielevä. Torikirje. *Keski-Pohjalainen*. 01.02.1908, 12
- Keski-Pohjalainen N27: Miten mahtoi Mandelstam mammoa moittia. *Keski-Pohjalainen*. 07.03.1908, 27
- Keski-Pohjalainen N11: Professori Mandelstam ja U.S. *Keski-Pohjalainen*. 30.01.1908, 11
- Raataja N2: Tuomas. Perustuslaillinen näyte. *Raataja*. 21.01.1908, 2
- Raataja N4: Tuomas. Rikos ja rangaistus. *Raataja*. 21.02.1908, 4

Raataja N6: Yliopistopolitiikkaa. *Raataja*. 21.03.1908, 6

Satakunta N15: Mielenosoitus Mandelstamia vastaan. *Satakunta*. 08.02.1908, 15

Tuulispää N4: Laulajapoika. Uusi Juudas Iskariot, eli "kunnia-tohtori" Jooseppi Mandelstam Suomen kansaa ristiinnaulitsemassa. *Tuulispää*. 24.01.1908, 4

Tuulispää N6: Venäjänkielen professori, kunnia-tohtori Josef Mandelstam luennoitsee Yliopiston pienemmässä musiikkisalissa. *Tuulispää*. 06.02.1908, 6

Tuulispää N7: Sanomalehdet ja "kunnia"-tohtori prof. Josef Mandelstam. *Tuulispää*. 14.02.1908, 7

Tuulispää N7: Mitä tekisit Mandelstamille, jos olisit juutalaisten kuningas? *Tuulispää*. 14.02.1908, 7

Tuulispää N9: Perustuslaillisten nykyisin enimmin laulama laulu. *Tuulispää*. 28.02.1908, 9

Tuulispää N9: Kun. *Tuulispää*. 28.02.1908, 9

Uusi Aura N17: Herra Mandelstam taas esillä suomalaisia häpäisemässä. *Uusi Aura*. 22.01.1908, 17

Uusia Aura N28: Uuden Suomettaren lukijoille. Suomalaisen puolueen jäsenille ja kaikille sen järjestöille. *Uusi Aura*. 04.02.1908, 28

Uusi Suometar N1761 *Uusi Suometar*. 19.12. 1905, 1761

Uusi Suometar N16: Herjauskyvyn huippu. *Uusi Suometar*. 21.01.1908, 16

Uusi Suometar N20: Muut lehdet. *Uusi Suometar*. 25.01.1908, 20

Uusi Suometar N21B: Kirje Helsingistä. *Uusi Suometar*. 26.01.1908, 21B

Uusi Suometar N21A: Avoin kirje professori Mandelstamille. *Uusi Suometar*. 26.01.1908, 21A

Uusi Suometar N21A: Vastalause. *Uusi Suometar*. 26.01.1908, 21A

Uusi Suometar N24: Herra Jos. Mandelstamille. *Uusi Suometar*. 30.01.1908, 24

Uusi Suometar N27B: Kirje Helsingistä. *Uusi Suometar*. 02.02.1908, 27B

Uusi Suometar N29: Ylimääräinen konsertti. *Uusi Suometar*. 05.02.1908, 29

Uusi Suometar N30: Farisealaisuutta. *Uusi Suometar*. 06.02.1908, 30

Uusi Suometar N31: Jatkuvia mielenosoituksia prof. Mandelstamia vastaan. *Uusi Suometar*. 07.02.1908, 31

- Uusi Suometar N32: Mielenosoitukset keskeytyneet toistaiseksi. *Uusi Suometar*. 08.02.1908, 32
- Uusi Suometar N34: Sähkösanomia yliopiston sijaiskanslerille ja lehtorille. *Uusi Suometar*. 11.02.1908, 34
- Uusi Suometar N35: Mandelstamin asia. Kokouksia maaseudulla, joissa vaaditaan Mandelstamin erotettavaksi. *Uusi Suometar*. 12.02.1908, 35
- Uusi Suometar N36: Älkää veikkoset suututtako Mandelstamia! *Uusi Suometar*. 3.02.1908, 36
- Uusi Suometar N36: Mandelstamin asia. Kokouksia maaseudulla, joissa vaaditaan Mandelstamin erotettavaksi. *Uusi Suometar*. 3.02.1908, 36
- Uusi Suometar N37: Mandelstamin asia. Sähkösanomia yliopiston viranomaisille. *Uusi Suometar*. 14.02.1908, 37
- Uusi Suometar N37: Kirje Pietarista. *Uusi Suometar*. 14.02.1908, 37
- Uusi Suometar N37: Mandelstam. *Uusi Suometar*. 14.02.1908, 37
- Uusi Suometar N38: Mandelstamin asia. *Uusi Suometar*. 15.02.1908, 38
- Uusi Suometar N39A: Suomalaisten ylioppilaiden mielenosoitus professori Mandelstamia vastaan. *Uusi Suometar*, 16.02.1908, 39A
- Uusi Suometar N39A: Lehtien lausuntoja. *Uusi Suometar*, 16.02.1908, 39A
- Uusi Suometar N40: Mandelstamin asia. Kokouksia maaseudulla, joissa vaaditaan Mandelstamin erotettavaksi. *Uusi Suometar*. 18.02.1908, 40
- Uusi Suometar N41: Mandelstamin asia. *Uusi Suometar*. 19.02.1908, 41
- Uusi Suometar* N42: Mandelstamin asiasta. *Uusi Suometar*. 20.02.1908, 42
- Uusi Suometar N44: Sivusta katsoja. Mandelstamin juttu. *Uusi Suometar*. 22.02.1908, 44
- Uusi Suometar* N45B: Kirje Helsingistä. *Uusi Suometar*. 23.02.1908, 45B
- Uusi Suometar N47: Suomalaisen puolueen kokous. *Uusi Suometar*. 26.02.1908, 47
- Uusi Suometar N48: Yliopiston kansleri ja hra Mandelsta. *Uusi Suometar*. 27.02.1908, 48
- Uusi Suometar N49: Pikku Uutisia. *Uusi Suometar*. 28.02.1908, 49
- Uusi Suometar N51A: Suomalaisen puolueen kokouksen lähetystön käynti ministerivaliosihteerin puheilla. *Uusi Suometar*. 01.03.1908, 51A
- Uusi Suometar N51B: Kirje Helsingistä. *Uusi Suometar*. 01.03.1908, 51B

- Uusi Suometar* N54: Loukattu. Kostakaamme. *Uusi Suometar*. 05.03.1908, 54
- Uusi Suometar* N55: Vieläkin kunniantunnosta. *Uusi Suometar*. 06.03.1908, 55
- Uusi Suometar* N61: Suomalaisen puolueen kokous ja yliopisto. *Uusi Suometar*. 13.03.1908 n, 61
- Uusi Suometar* N61: Josef Mandelstam ja Maksim Kovalewski. *Uusi Suometar*. 02.04.1908, 77
- Kajaanin lehti N13: Vihan kylvö kantaa hedelmää. *Kajaanin lehti*. 5.2.1908, 13
- Kaleva N29: Mielenosoitus yliopistossa professori Mandelstamia vastaan. *Kaleva*. 5.2.1908, 29
- Karjala N29: Mielenosoitus yliopistossa professori Mandelstamia vastaan. *Karjala*. 5.2.1908, 29
- Käkisalmen sanomat N14: Mielenosoitus Mandelstamia vastaan. *Käkisalmen sanomat*. 5.2.1908, 14
- Laatokka N34: Suom. puolueen adressi Mandelstam-kysymyksestä. *Laatokka*. 24.03.1908, 34
- Nya Pressen* N25: Prof. Mandelstam och suometarianerna. *Nya Pressen*. 27.01.1908, 25
- Nya Pressen* N34: Folksjälens afvigsidor. *Nya Pressen*. 05.02.1908, 34
- Nya Pressen* N45: Demonstrationerna mot professor Mandelstam. *Nya Pressen*. 16.02.1908, 45
- Nya Pressen* N53: Den suometarianska kulturdeputationen har inträfatt. *Nya Pressen*. 24.02.1908, 53
- Pohjois-Suomi N14: Mielenosoituksia ja vihellyskonsertteja jo Suomenkin yliopistosta. *Pohjois-Suomi*. 5.2.1908, 14
- Raahe N10: Pikku-uutisia. *Raahe*. 5.2.1908, 10
- Suomalainen kansa N28: Mielenosoituksia yliopistossa prof. Mandelstamia vastaan. *Suomalainen kansa*. 4.2.1908, 28
- Tammerfors Nyheter N19: Nujan hedrar sig. *Tammerfors Nyheter*. 5.2.1908, 19
- Tampereen Sanomat N27: Professori Mandelstam Suomen kulttuurioloista. *Tampereen Sanomat* 4.2.1908, 27
- Työkansa N14: Mielenosoitus prof. Mandelstamia vastaan. *Työkansa*. 5.2.1908, 14
- Uusimaa N14: Mielenosoitus yliopistolla. *Uusimaa*. 5.2.1908, 14

Vasabladet N15: Suometarianerna avlopp mot prof. Mandelstam. *Vasabladet*. 4.2.1908, 15

Wasa Posten N10: Professor Mandelstams föreläsningar. *Wasa Posten*. 5.2.1908, 10

Wiipuri N29: Pikku uutisia. *Wiipuri*. 5.2.1908, 29

Åland N11: De suometarianska studenterna demonstrera mot prof. Mandelstam. *Åland*. 5.2.1908, 11

Östra Finland N29 Suometariansk studentdemonstration mot prof. Mandelstam. *Östra Finland*. 5.2.1908, 29

Исследовательская литература

БЕЛЯКОВ 2016: Беляков, Сергей. Тень Мазепы. Украинская нация в эпоху Гоголя. АСТ, 2016

ВИХАВАЙНЕН 2007: Вихавайнен, Тимо. Два лика России, сборник статей. Под редакцией Вихавайнена Т. Европейский дом, 2007

ВИХАВАЙНЕН 2007: Вихавайнен, Т. С.И. Барановский – профессор русского языка, филантроп, друг Финляндии, ученый-универсал. *LiteraruS* 2007, январь.

ЛЕОНТОВИЧ 1995: Леонтович, Виктор. История либерализма в России (1762-1914). Русский путь, 1995

СМИРНОВ 2004: Смирнов, А. С. Романтическая ирония в русской литературе первой половины XIX века и творчество Н. В. Гоголя. ГрГУ, 2004

СОЙНИ 1998: Сойни, Елена Григорьевна. Русско-финские литературные связи начала XX века. Карельский научный центр РАН, 1998

СОЙНИ 2017: Сойни, Елена Григорьевна. Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века. Издательский Дом ЯСК, 2017

ЮССИЛА 2009: Юссила, Осмо. Великое княжество Финляндское 1809-1917. Ruslania Books OY, 2009

ЮССИЛА 2013: Юссила, Осмо. Великие мифы Финляндской истории. Ruslania Books OY, 2013

CARPELAN 1925: Carpelan, Tor; Tudeer, L. O. Th. Helsingin Yliopisto: opettajat ja virkamiehet vuodesta 1828, Söderström & Co förlagsaktiebolag, 1925

KLINGE 1989: Klinge, Matti. Helsingin Yliopisto 1640-1990: Keisarillinen Aleksanterin Yliopisto 1808-1917. University of Helsinki, 1989

SINKKO 1976: Sinnko, Erkki. Venäläis-suomalainen lehdistöpolemiikki 1890-1894. Tampereen yliopisto, 1976

TOMMILA 1960: Tommila, Päiviö. Venäläinen sortokausi Suomessa, WSOY 1960

TOMMILA 1987: Tommila, Päiviö. Suomen lehdistön historia 2. Sanomalehdistö Suurlakosta Talvisotaan, Kuopio, Kustannuskiila, 1987

TOMMILA 1991: Tommila, Päiviö. Suomen lehdistön historia 8. Aikakauslehdistön historia, yleisaikakauslehdet, Kuopio, Kustannuskiila, 1991

Ссылки

ДЕНИСОВА 2002: Язык вражды в российских СМИ: гендерное измерение. *Женщина-плюс*. 2002, 4
<http://www.owl.ru/win/womplus/2002/denisova2.htm>